

Елена Сперанская

*Весна
прифронтовая*

Шаги победы

Елена Сперанская

**Весна прифронтовая.
Шаги победы**

«Издательские решения»

Сперанская Е.

Весна прифронтовая. Шаги победы / Е. Сперанская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832141-2

На фоне исторических событий Великой Отечественной войны рассказывается история семьи Нины, ее братьев, родителей, проживавших в г. Саратове, любви и постижения истины. Путь стрелковой дивизии, где служила санинструктором Нина, был сопряжен с тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю солдат, участием в разведывательных и карательных операциях. Справедливо сказано — солдатами не рождаются, солдатами становятся.

ISBN 978-5-44-832141-2

© Сперанская Е.
© Издательские решения

Содержание

1. Година	6
Дневник Нины	6
Танцы	9
Свадьба	12
Приезд отца с фронта	17
Возвращение Ивана	21
2. «Все ушли на фронт»	25
Отъезд	25
Госпиталь	28
Концерт	33
Болезнь	36
Письмо из дома	39
Ноябрьский праздник	42
3. Отъезд в часть	44
Поезд	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Весна прифронтовая

Шаги победы

Елена Сперанская

*Вставай страна огромная, вставай на смертный бой
С фашистской силой темною, с проклятою ордой!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна, —
Идет война народная священная война!*

В. Лебедев-Кумач

© Елена Сперанская, 2016

ISBN 978-5-4483-2141-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Година

Дневник Нины

Иногда в минуты затишья, в перерыве между боями, Нина вспоминала свою юность, приезд в Саратов, учебу в рабфаке, поступление в институт, ночные бдения над лекциями, экзамены, редкие вылазки на танцевальные вечера в Дом офицеров, знакомство с однокурсниками. Что и говорить, а жизнь была, наверно, слишком безоблачной и счастливой, если от одного слова «война» она теряла дар речи и покрывалась мурашками. И почему именно ее из всей группы первой послали на фронт? Выбирать не приходилось: второй Белорусский фронт, перемещения войск которого она достигла в сентябре сорок второго года.

Нина открыла дневник и сделала запись: «22 июня, ночь. Война началась для меня так: день накануне я гуляла с Шурой. Мы бродили по речному песку и траве, купались, загорали. Потом сидели на высоком травянистом берегу реки Волги, смотрели в тихую, прозрачную воду. На дне плавали мелкие рыбки. Договорились с другом Шуры, Сережей, пожениться. У него волнистые черные волосы, красивое лицо: ярко синие как небо глаза. Он высокий и худой. Втрескалась в него по самые уши. Кажется, совсем потеряла голову! Родители у него интеллигентные: папа – генерал, а мама учительница русского языка. Одет был в полосатый голубой костюм. Приглашал к себе на генеральскую дачу, отказалась. Поеду в другой раз. С Шурой играл в футбол по воскресеньям на стадионе, собирался поступать на Высшие командные курсы в военное училище. Они катали меня на ветках ивы как на качелях, зарывали в песок, откапывали, ныряли с берега. Сережа ловил меня в воде, брызгался, гладил веткой ивы по лицу и телу. Нашли с ним озеро в глубине леса. Вода была мутная и грязная. Перепачкались в тине. Целовались и развлекались. Поздно вечером всей семьей купались в реке. Вода была очень теплая и темная. Мы вместе зашли в воду и сразу вышли. Было страшно».

«23 июня. Брат Шура поехал на Урал, на месяц. Тут обошлось без грусти: ведь ему шестнадцать, а мне двадцать два. Юность! Прощались на дороге. Шура уходил, оглядываясь. Махал мне рукой. Стояла и думала, какое еще напутственное слово послать ему вдогонку. Стояла долго, пока его высокая, сутулая фигура не скрылась за поворотом... Вернулась домой в полдень. Легла и моментально уснула. Маме сказала, чтобы разбудила меня утром. Приходила однокурсница Ира, рассказала о Сереже, но ей нравился мой брат Шура».

Нина училась на четвертом курсе медицинского института. Последующие годы учебы были сокращены, и она попала на фронт в сорок втором году в военно-полевой госпиталь в деревне Ельня Московской области.

Читаем дневник дальше: «24 июня. Вчера отнесла заявление в военкомат. Переписывала раз десять. По всему фронту развернулись настоящие бои. Утром по радио передали: врага отбросили за государственную границу. Гремели марши, звучали старые песни. Вечером папа уехал командиром подразделения противотанковой обороны на Украинский фронт. Мама молчала и по-деловому собирала его в дорогу. Было страшно. Отец Иры уехал на фронт вчера. Всю вторую половину дня вчера лил дождь. На полчаса делал передышку и снова хлестал. Проплакала часа два. Мама спала».

«25 июля. У здания милиции стояли наготове автомашины в два ряда для отправки мобилизованных. К военкомату прибывали полные подводы молодых новобранцев, везли из сел. Им в первую ночь на двадцать третье принесли повестки. Женщины плакали тихонько и навзрыд, сморкались в передники. Из репродукторов неслась песня „Священная война“. Пьяных было мало, все ходили как чумные. Водку продавали из-под полы. Торговля водкой стала запрещена. Все надеялись, что это временно, но разочаровались».

Нина постоянно мечтала попасть сразу на передовую. Однако, специалисты везде нужны как в тылу, так и на фронте. В госпитале Нину приняли как родную и пообещали при первой возможности отправить на передовую. Она поначалу работала в палате по приемке тяжело раненых, затем сама стала делать операции. Там, в госпитале Нина познакомилась с фельдшером Серебренниковой из Челябинска. Их дружба сохранилась и после войны. Вместе они прошагали трудными дорогами войны. Когда новенькая врач проявила себя с лучшей стороны, отправили на передовую.

«27 июня. Заходила в военкомат. Напоминала о заявлении.

– Знаем, знаем. Обязательно отправим. Комплектуем. Ждите очереди.

Что-то металлическое услышала я в голосе военкома. Появилась слабая надежда, просто у него сейчас тысяча дел на каждый день. Около магазина толкучка: бабы лезли к прилавку за спичками, солью, мылом, маргарином, кило любой крупы, кило манки для детей. Видела, когда стояла сдать стеклотару, около магазина рядом с кладбищем, как мужики прошлись по парню упавшему ничком рядом со ступенькой, чтобы вломиться в дверь за водкой. Говорили, что всех, кто утаил продукты питания или спички, судили по законам военного времени. Значит, их отправили в штрафбат. Отпечатали листки с правительственными воззваниями: «Наше дело правое», «Враг будет разбит», «Победа будет за нами», «Родина мать зовет!» Поеду на фронт с этими словами врачом медицинской службы. Постоянный страх зиял своей предсказуемостью. Вчера осталась ночевать в госпитале в качестве медсестры. Делала инъекции, убиралась, стирала и гладила. Ужасно устала».

«30 июня. Только что из военкомата. Зашла после института. Там слушали утренние последние известия. Врагу удалось занять города: Брест, Ровно, Каунас, Вильно, Гродно... Ивана отправили на фронт. Он хотел жениться и уехать жить в деревню. Война изменила его планы. Будем переписываться».

После окончания войны вся семья вернулись в родной дом – Афанасий Филиппович, Нина и оба брата Иван и Шура. Пропал без вести в сорок втором году младший брат Афанасия – Николай. До последних дней своей жизни ждала его жена в Ленинграде, поддерживала связь со старшим братом, приезжала гостить в Саратов.

«23 июля. В воскресенье ездила к Сереже на дачу. Погода была отличная, купались. Настроение скверное, лежали в домике, постоянно говорили о войне... Очень страшно становится за мальчишек. Свадьба наверно отменяется. Слушали, как по радио выступил Сталин: „Дело идет о жизни и смерти Советского государства“. Нужно, чтобы советские люди поняли это!»

«24 июля. Сережу провожала на фронт, занятия пропустила. Перед отъездом он подрался с ребятами на улице, когда проводил меня домой, а потом прибежал весь грязный ночью. Отмыла его, утром отвела в больницу, ему наложили швы на лице и пластырь. Ребят милиция забрала в штрафбат. На вокзале целовались на виду у всех».

Дальше Нина писала реже: много дел, помогала в госпитале, куда стали привозить раненых бойцов. Анна плакала: «Двух взрослых сыновей проводила и мужа на фронт».

Нина и Катя вместе попали в одну часть. Там они познакомились по долгу службы с Холодовым, Талановым, Кузнецовым, Скоробогатовым, Коноваловым, Селивановым, Кувшинниковым, Кондрашовым, Тимошенко, Гольдбергом, Резниковым, Юдиным и многими другими солдатами и офицерами. Многие дошли до победы, а кто-то лег в землю, не дожидаясь победы.

Анна провожала на войну детей и мужа без слез. Первым ушел Афанасий, затем последовал Шура. Ему едва исполнилось шестнадцать лет, и он прибавил себе год, оканчивая танковое училище. Демобилизовали на Белорусское направление. Иван стал связистом. Нина ждала писем с фронта, слушала сообщения по радио. Она знала, что Иван и Шура будут героями. Первое письмо было от отца. Писал, что война страшна, когда в ней принимаешь участие, попадаешь в самую гущу событий: смерть, взрывы бомб, атаки. Походы – обычное дело,

забывал о доме, семье. Нина прекрасно понимала, что он бодрился, поддерживая маму. Иван и Шура писали редко. Их письма были патриотичными. В тылу продавали из-под полы хлеб. Ели остатки картофеля и крупы. Однажды с Украины прислали сало, которого едва хватило на месяц. Нина зубрила формулы, латинский, анатомию, вскрывала трупы и с усердием сдавала экзамены. Враг наступал. Короткие сообщения по радио говорили о продвижении врага по советской территории.

Танцы

Подруга Нины Ира Заболуева: симпатичная, высокая девушка обожала танцы, одевалась модно и со вкусом, как позволяло военное время. Первой в группе у нее появились часы на руке, она ими очень гордилась. Девушки часто вместе ходили на танцы. Ира жила с мамой и младшим братом Мишей. Он оканчивал школу и собирался идти на завод. Нина шла к Заболуевым, как и было условлено в шесть часов вечера. Они жили в просторной и мрачной квартире одноэтажного дома, похожего на сарай. Зимой стены покрывались инеем, ступать по холодному полу – сильно зябли ноги.

Была середина весны, все домочадцы надели, как обычно, шерстяные чулки и гетры. Нина шла по улице к подруге и думала об отце и братьях. Весна пела и смеялась девушке в лицо. Нина была в скромном пальто с воротником стоечкой, на голове – берет ярко синего цвета. Деревья стояли обнаженные и своей бесстыдной наготой говорили о приближении поздней весны с яркой зеленью деревьев, теплыми вечерами и майскими ливнями. Она шла мимо прохожих, и видела, как машины разбрасывали, затем частично убирали щебень на дороге. Тяжесть военного времени Нина ощущала на себе, постоянно хотела кушать, даже засыпала и теряла сознание на лекциях. Когда позвонила, то ей открыла сама Ира.

– Здравствуй, Нин, проходи, выучила?

– Привет, прогулялась по городу. Погода отличная.

Ира была занята приготовлением ужина. Она аккуратно вытерла руки об полотенце, села у стола и задумалась. Наконец, как будто решила сразу все свои проблемы, повернулась к Нине лицом и широко улыбнулась.

– Давай сходим в кино, показывают фильм с участием Леонида Утесова «Веселые ребята».

– Фильм музыкальный и интересный, слышала о нем хорошие отзывы, – помолчав, Нина продолжила.

– Подожди, дай подумать, – Ира перебирала в памяти все свои сделанные дела.

Девушки собрались быстро, и вышли на улицу. Стемнело. Дул северный ветер. До кинотеатра «Центральный» быстрым шагом идти минут тридцать. Подруги шли, взявшись за руки, и разговаривали о подругах, сокурсницах, институтских приятелях, а главное о войне.

– Знаешь, Нина, Миша собрался ехать на фронт. Очень переживаю за него. Мама почти каждый день плачет и молится. Что с ним будет? На фронте сейчас перевес сил. Наши войска отступают с большими потерями.

– Мы получали письма от отца и братьев, – Ире показалось, что голос Нины задрожал, но спрашивать побоялась.

Мимо прошла рота солдат. Одеты они были по-походному: шинели, шапки, вещевые мешки через плечо. Гулкие звуки сапог долго были слышны и отдавались эхом в тишине ночи.

– Наверно, на вокзал из военкомата, – заметила Ира.

Дойдя до кинотеатра, девушки остановились. Нина изумленно смотрела на светящуюся разноцветными лампочками рекламу.

– Как было бы чудесно попасть хотя бы на последний сеанс. Интересно, есть ли в кассе билеты? – рассуждала Нина вслух.

– Давай попытаем счастье и зайдем в кассу очередь, может быть, достанем билет хотя бы на последний сеанс, – Ира посмотрела на плакат с надписью, где красовалось лицо известного актера.

Ира впервые обратила внимание, что очередь в кассу доходила почти до угла улицы. Все пряталось в теплые воротники, шапки-ушанки, перетаптывались с ноги на ногу и не хотели покидать своего места.

– Смотри, Ира, какая очередь да еще в два ряда, билетов не хватит.

– Ты знаешь, Нина, что-то мне расхотелось идти в кино. Пойдем на танцы в Дом офицеров. Там народу поменьше познакомимся с симпатичным офицером из нашего госпиталя. Они когда выздоравливают, иногда ходят на танцы, – Ира глубоко вздохнула и побежала вперед, а Нина, поправив берет, поспешила за ней.

– Откуда ты знаешь все это? – Нина собрала все свое мужество, так как знала, что денег едва хватит на танцы.

– Когда последний раз у нас была практика в госпитале, ко мне подходил один раненный солдат и приглашал на танцы, я отказалась. Он даже обиделся.

Девушки, наконец, решили идти в Дом офицеров, который находился в бывшем здании дворянского собрания. Барельеф, изображающий древних богов, красовался чуть выше третьего этажа, и придавал зданию законченный и величественный вид. Здание серого цвета было построено в старинном английском стиле и представляло собой высокий особняк с изразцовым порталом и большими окнами.

После семнадцатого года в этих окнах всегда выставлялись образцы обуви, модных платьев, мебели, изделия комнатной и разнообразной домашней утвари: вышитые полотенца, скатерти, салфетки, кастрюли, цирюльниковый инструмент, кафель, вешалки, плиты, кухонные столы. Разнокалиберные винтовки теперь заменили все эти нужные для быта вещи. Конечно, подружки стали рассматривать эти военные трофеи и проникли внутрь помещения, куда быстро проскальзывали девушки с туфлями в руках. Нина и Ира последовали за теми, кто заходил в фойе здания, где царил оживление. В кассу была большая очередь. Наконец девушки купили билеты. Поспешили в гардероб, который находился в подвале, где пол был красиво выложен коричневой и белой плиткой. По обеим сторонам довольно широкого коридора были зеркала. Девушки поднялись на первый этаж. Оркестр играл знакомую мелодию венского вальса Штрауса. Народу было мало – в основном раненные солдаты с перевязанными руками и совсем молоденькие девушки. Середина зала была свободна. Нина и Ира встали у самого входа. Они обе чувствовали себя немного стеснительно. Музыка продолжала играть без остановок.

– Ира, пойдем, потанцуем. Тебе нравится мотив? – Нине очень хотелось пройтись в такт музыки через весь зал с симпатичным офицером, поэтому она первая предложила подружке потанцевать.

Девушки закружились. Музыка прекратилась, они остановились.

– Нина, ты знаешь, мне почему-то показалось, что война кончилась, все вернулись с фронта, и мы опять заживем дружно и счастливо.

– Хорошо бы, ты была права. Боюсь, что война продлится долго и нам самим придется ехать на передовую и спасать жизнь бойцов.

Нину пригласил лейтенант в гимнастерке с перевязанным плечом и правой рукой на весу, и она вновь вышла на середину зала. Он проводил девушку на место и отошел в сторону.

– Посмотри, Нина, какой симпатичный блондин, интересно, как его зовут? – среди вновь входящих в зал, Ира заметила высокого, красивого офицера с палочкой, на которую он опирался.

– Разрешите вас пригласить на танец, – парень как будто услышал эти слова и подошел к ней.

– С удовольствием пройду с вами тур вальса, – Ира от счастья вспыхнула.

После танцев Петр, так звали нового знакомого, пошел провожать Иру до дому. Нина шла с ними рядом и втайне завидовала подружке. Они дошли до дома Нины. Она зашла в свой подъезд. Было очень морозно, поэтому стоять с подружкой на улице и разговаривать Нине не хотелось. Она потихоньку на цыпочках зашла в комнату, мама уже спала, быстро разделась и легла в кровать. Засыпала и думала о предстоящем дне, об учебе, о войне.

На другой день в институте ей захотелось расспросить Иру подробнее о Петре Блинове, но день был настолько напряженным, что совершенно было некогда. Нина со свойственным ей усердием едва успевала писать лекции и выполнять лабораторные работы. Сама же Ира молчала. Домой девушки возвращались порознь, но когда Нина выходила из стен здания института, ей показалось, что вдалеке стоял парень, который сильно напоминал Петра. Когда Нина проходила мимо, она поздоровалась с парнем и, убедилась, что это на самом деле Петр, окончательно была раздосадована.

Свадьба

Петр Блинов был студентом Политехнического института. Он только начинал учиться, и был необычайно любознателен и умен. Когда началась война, он бросил учебу, устроился работать на завод во вторую смену. Иногда ему удавалось отдохнуть. Он делал иногда вылазки в кино или на танцы. В день знакомства с Ирой у Петра было как никогда хорошее настроение. На заводе он самостоятельно освоил выпуск снарядов с боевыми первоклассными качествами. Чертежи были разработаны в конструкторском бюро мастерски и умело, и снаряды обладали способностью взрываться даже при самых неблагоприятных условиях.

Петр прекрасно понимал всю важность возложенных на него обязанностей. Мастер несколько раз подходил к Петру, наблюдал за его работой и каждый раз оставался доволен: «Да, прав был начальник цеха, когда поручил Петру выполнять это задание».

Когда Петр возвращался домой, он все еще думал, как просто порой бывает человеку самостоятельно решать возникающие трудности, тем более, если нет рядом ни родителей, ни брата или сестры, ни верного друга. Петр был сирота, воспитывался в детдоме и привык с детства и к заводу, и к труду. Родителей Петр помнил, говорил, что они погибли в период гражданской войны, их расстреляли казаки во время одного из своих налетов.

В день знакомства с Ирой Петр решил для себя кончать с холостяцкой жизнью, поэтому заметил, что Ира с интересом смотрела на него.

Он пригласил ее на танец, мечтая продолжить знакомство и завязать дружбу. Как ни странно, но Ира почему-то сразу поняла Петра, его дружеское расположение к ней и его твердый и прямой характер. Нину Петр заметил, но она была для него лишь подружкой Иры. Что касалось знакомства Нины, то Петр предложил познакомить ее со своим мастером. Нина рьяно отказалась, но в душе сразу пожалела о своих словах: «Кто знает, может быть, я отказалась от судьбы, ушла от своего счастья и потеряла очень много». Время летело. Взаимоотношения Иры и Петра складывались просто и стремительно. Занятия Ира посещала, но перестала общаться с Ниной.

В связи с войной занятия в мединституте были сокращены до минимума. Государственные экзамены сдавались досрочно. Перед самыми экзаменами в один из вечеров, когда Нина была занята зубрежкой, к ней пришли Ира и Петр. Они были возбуждены, говорили громко и то и дело смеялись. Наконец Ира, выдержав паузу, спросила Нину с самым серьезным выражением лица:

– Как думаешь, Нина, почему мы навелили тебя так поздно, ты готова выслушать?

– Хотите сказать мне что-то важное?

– Хвалю за догадливость. Мы с Петром подали заявление в ЗАГС, скоро у нас состоится регистрация. Приглашаю быть моим свидетелем. Ты возражаешь?

– Нет, приду к тебе на свадьбу. Это будет первое бракосочетание в моей жизни, где я буду свидетелем, – сказала Нина робко и тут же замолчала, – Нина удивилась скорости разворачивающихся событий.

Она задумалась о своей жизни, и почему-то представила себя на месте Иры, идущей под руку с Петром в красивом подвенечном платье и в белой до пят фате. Нина была рада за подружку, тем более, она видела, как счастлива Ира, как радостно светятся ее глаза, и с каким волнением она смотрит на Петра.

«В мире рядом с горем и бедой живут счастье и радость», – осознала Нина. Она терпеливо ждала дня бракосочетания, в мельчайших деталях обдумывая свой наряд. При скромных возможностях Нине все-таки удалось сшить дорогое, элегантное платье из светлой ткани с вышитыми веточками сирени по низу и одной веточкой у ворота. В новом платье Нина выглядела редкостно симпатичной и молодой. Ее красила выбранная по случаю торжества прическа

с заколотыми шпилькой и слегка распущенными концами волос. Она напоминала себе актрису. Свадьба должна была состояться у Иры дома. Нина спешила, боялась опоздать. В подарок решила преподнести два набора красивых чашек с блюдцами. На свадьбу, по традиции принято дарить посуду, поэтому Нина осталась довольна. Она завернула аккуратно чашки в шелестящую бумагу и обвязала сверток красивой атласной лентой, надела пальто и вышла из дома. Ехала на трамвае. Этот огромный двор весь в сугробах, где жила Ира, напоминал пустырь. Сначала зашла к Ирине домой, чтобы потом всем вместе ехать в ЗАГС.

Дома невеста ходила в обычном будничном платье, и вид у нее был усталый, но прибранный. Комната чисто вымыта, на столе скатерть.

– Знаешь, Нина, очень ждала свадьбы и теперь злюсь, что жених опаздывает, – говорила Ира тихо и как-то обиженно.

– Ты разочарована, переживаешь? Все станет на свое место. Скоро он подъедет, и все вместе поедem в ЗАГС.

Ира стала одеваться. Платье у нее было удлиненное, до середины икры, с русской вышивкой на груди и плечах, волосы аккуратно уложены на затылке. Вместо фаты она вплела цветы в волосы и стала похожа на лесную фею. Звонok в дверь прозвенел громко и внезапно.

– Ира, иди, открывай дверь жениху, – мама Иры переполошилась и забежала в комнату, а невеста услышала ее слова и бросилась в холодную, темную прихожую открывать.

– Здравствуйте, Варвара Петровна. Пришли за невестой, – три парня в телогрейках стояли на пороге.

– Мы хотим купить вашу невесту. Денег правда с собой взяли только три рубля и есть у нас колечко, – друзья Петра зашли, скинули телогрейки в коридоре, стали говорить наперебой и все увидели, что на них были новые костюмы довоенного образца.

– Это наш залог. Ваша невеста – наше колечко, – высокий парень крепкого телосложения Дима положил на стол золотое колечко.

– За такой залог и невесту не жаль, – весело заверещала мама Иры, – наш товар первый сорт: с лица красна, с виду статна, денег за ней даю. Наша Ира сама золото: и готовит, и вяжет, и шьет. Что еще надо?

– Петя, говори, – Дима толкнул жениха локтем.

– Нас все интересует, – выступил вперед второй друг Петра Виктор. – Хотим знать, как ваша дочь образована? Нам грамотная нужна!

– Ну, ребяташки, зря вы меня обидели. Ира институт заканчивает, дипломированным врачом станет!

– Вот это другой разговор, – что пониже выступил вперед и громко, отчетливо произнес. – У вас приличное приданое!

Варвара Петровна оплакала Иру по всем правилам. Она взяла платок намочила его в водке и дала понюхать ребятам, те чихнули и рассмеялись. А вот Нина не видела никакого смысла в показном горе. В конце концов, она едва знала и жениха Петра, и его друзей. Петр перешел на другую половину комнаты, где у зеркала, украшенного полотенцами с вышивкой, стояла Ира. Друзья последовали за ним. Нина смотрела на двоих ребят и решала, кто же из них двоих будет свидетелем. Вопрос разрешился сам собой. Когда пришли в ЗАГС, парень, который первый затеял торг, встал на место свидетеля со стороны Иры, а Нина встала со стороны Петра.

Женщина средних лет в нарядном платье и брошью на плече – представитель городской власти прочитала им устав для молодоженов, вручила свидетельство о браке и благословила. После обычной торжественной церемонии обмена кольцами, обещаниями верности и сохранения семьи при любых жизненных испытаниях, молодые поцеловались, прозвучал туш. Под звуки вальса Мендельсона свидетели осыпали молодых хмелем, зерном и лепестками цветов

тоньше папиросной бумаги, приготовленных заранее, желали им здоровья, счастья, совета, любви и плодovitости.

– Мы не опоздали? – на пороге ЗАГСа появились однокурсницы, а следом соседка Иры по квартире с букетами белых и алых роз.

– Опоздали, – ответила мама Иры. – Они уже сочетались законным браком.

Свадебная церемония в ЗАГСе закончилась. Гости поехали на такси к Ире домой, предвкушая сытный обед, пироги, холодец, жареные котлеты или курицу и бокал шампанского. День был солнечный и ясный. Война существовала только в сознании. Кто мог подумать, что через какие-то два-три месяца все собравшиеся разлетятся в разные стороны. Нина и Ира закончат институт.

Свидетель Дима и брат Иры Миша погибли под Сталинградом смертью героев и будут похоронены в братской могиле. Ира тоже рвалась на фронт, но беременность заставила ее остаться дома. Нина знала, что будет назначена санинструктором полка, будет выносить с передовой раненных бойцов, делать перевязки, накладывать лангеты, шины, осуществлять всю кропотливую работу вместе со своими постоянными помощниками медсестрами и фельдшерами. В конце концов, получит орден, медаль, будет тяжело ранена, контужена и отправлена лечиться домой, в Саратов.

Пока на свадьбе все боялись говорить о смерти, о боли, об испытаниях. Веселились и понимали всю сложность военного времени, что только придавало Нине сил, вселяло надежду в будущую победу. Доехали за пятнадцать минут. Дорогой смеялись и шутили.

– Ой, Ира, – испуганно произнес Петя, – какие у тебя веснушки на носу.

– Что ж, это вполне естественно, согласилась Ира, сейчас же весна, – все, кто сидел в машине: шофер и два свидетеля улыбнулись.

– Мы купили невесту, – заговорил Дима, – и получили приданое.

– Петя получает жену в бессрочное пользование, до конца своей жизни пока смерть не разлучит их, – уточнила Нина.

– Вполне справедливо, – согласился Петр. – Мы любим друг друга с первого дня нашего знакомства.

Ира покраснела. Она, несомненно, была самая красивая из девушек: светловолосая с красивой прической, прекрасной белой прозрачной кожей и зеленовато-голубыми глазами, она очаровывала всех парней и притягивала их взгляды. Ее красота была залогом мира в семье и теплого взаимопонимания между супругами.

Несомненно, она проявляла полное равнодушие к товарищам Петра. Единственное, что увлекало и вызывало ее интерес, была ручная вышивка, вязание крючком и на спицах, плетение кружев, макраме.

В их двухкомнатной квартире везде можно было заметить рукоделие, выполненное с особым тщанием и любовью. Это искусство было характерно для всех девушек того периода времени, а узоры орнамента присущи для населения поволжских немцев и славян, населявших эту территорию начиная с 17 века.

– Уважаю Иру, – повторяла Нина. – Какая это веселая свадьба! Дело в том, что нам мешают война. Тебе так повезло! – обратилась она к невесте, видно было, что Нина мечтала выйти замуж, как и все однокурсницы, которые тоже страстно хотели быстрее найти себе ухажеров.

Молодые и гости вышли из такси и энергично направились к дому, увлеченно вспоминая церемонию. В комнате был уже накрыт стол. На молодых надели свадебные венки. На пол постелили овечий тулуп, чтобы молодожены наступили на него и постояли. Это древняя примета приносила в дом богатство. Мама Иры поцеловала жениха, всплакнула по-настоящему, потом поцеловала Иру, поклонилась им, взяла в руки круглый калач, каждый отломил по кусочку и поцеловал маму.

Расселись через одного парень и девушка около праздничного стола, уставленного разными деликатесами характерными для военного времени. Пили самогон, приготовленный из яблок. Напиток был слегка мутный и почти без градусов. На столе появилась бутылка водки и шампанского. Стали говорить тосты. Первый тост прозвучал за победу.

– К добру и миру тянется мудрец – к войне и распрям тянется глупец. Давайте выпьем за скорейшую победу в этой кровопролитной войне! – мама Иры подняла бокал, наполненный до краев, и громко произнесла.

Все дружно чокнулись и осушили бокалы. Нина сидела и думала о мире, о днях победы.

Миша пригласил Нину на танец. Танцевать Нина умела и любила. Ей доставляло удовольствие идти под руку с кавалером, на котором поблескивала медаль «За Отвагу I степени».

Эта медаль давалась и за трудовые успехи, которую получил и Петр Блинов, когда улучшил летательный аппарат под названием парашют, на котором он летал на самолетах в тыл противника и приносил важные сведения для советской разведки. Он тоже пригласил Нину на танец, как свидетеля и как лучшую подругу Иры.

Подобный русский обычай стал очень популярен на всей территории России после распространения холеры в довоенный период, чтобы избежать дальнейшего заражения этой инфекцией, партнеры становились лицом друг другу. Они начинали осваивать основные движения характерные для вальса, как бы показывая, что они не боятся этой чумы двадцатого века и плюют на их возможность заразиться. Как персонажи «Декамерона» ушли от этой «чумы», которая была всего лишь разновидностью холеры, когда человек покрывался темной коркой от гниющего слоя кожи, а затем умирал в жестоких мучениях.

Масленный пирог из жареных кабачков, которые предназначались для каких-то важных событий в жизни семьи и картошка представляли все убранство свадебного стола. Это все хранилось в погребе, поэтому пол был настолько холодным.

Все гости на этом скромном ужине надели тапочки, которые были обычными носками и сверху на них валенки. Веселее свадьбы не было: они наряжались в разные карнавальные костюмы, пели застольные песни, играли в ручейки, как было положено на всех европейских свадьбах того времени.

Свадебная суета подходила к концу. Все устали и мечтали отдохнуть. Нина стала собираться домой. Миша вызвался проводить девушку.

– Спасибо, я не возражаю, – сразу отказать Нина могла, но сдержанно ответила, и они зашагали в сторону ее дома.

От выпитого вина голова у нее немного кружилась, все предметы потеряли свою четкость и представляли собой единое целое с окружающей средой. Нине хотелось спать, поэтому по пути домой она была мало разговорчива и больше молчала. Зато Миша был на редкость красноречив: рассказывал о своих намерениях стать инженером и познаниях в области военной техники и боевой выучке. Он рвался как можно быстрее попасть на фронт и встать плечом к плечу с ушедшим на войну отцом. Он обнял Нину вежливо за талию.

– Миша, представляю, как мама будет переживать за вас, сколько слез прольет, если потеряет кого-то из вас двоих? – спросила она случайно.

– Мой долг защищать Родину, – нежно ответил Миша, – что будет, если враг прорвется к Москве, тогда уже поздно будет рассуждать, «...где, скажи, когда была без жертв искуплена Свобода», – процитировал он громко слова Рылеева.

По дороге текли ручьи. Миша шел быстро, она едва поспевал за ним. Нина остановилась и задумалась: «Неужели это так страшно и так серьезно... фашизм». От одного этого слова ей стало жутко. «Все правда, что пишут в газетах и сообщают по радио; ведется одна из жесточайших войн в истории, и, возможно, она продлится не один год...».

Наступило тягостное молчание. Миша взял Нину за руку, она не отдернула и пошла медленнее. Миша понял, что ей хочется поговорить о чем-то.

– Ты просто прелесть, какая была замечательная свадьба, проводить до двери? У тебя кто дома? – Миша притянул Нину к себе и стал целовать девушку прямо в губы, она расслабилась, и мурашки побежали по телу.

Голова у нее кружилась, от него пахло самогоном, и он слегка покачивался. Их прощание затянулось. Он зашел в подъезд, и они остановились на лестничной площадке у окна. На улице горел один фонарь. Они опять обнялись и так стояли минут тридцать. Она сама не хотела уходить, но извинилась перед ним и попросила дальше не провожать.

Всем своим существом Нина поняла, что нет более тяжкого преступления перед человечеством, чем целенаправленная, приносящая одно горе за другим война. Для себя Нина решила попасть на фронт и быть наравне с мужчинами на передовой, каждым своим действием, шагом, ударом сердца, ускорять наступление победы.

Война представлялась Нине страшным хищным зверем, который подкрался и ждал удобного случая, чтобы прыгнуть и проглотить добычу. «Нет, нельзя допустить зверя в сердце. Пусть сегодня война проиграна, но завтра победа обеспечена; тогда надолго запомнят народы урок истории. Нельзя покорить народ-созидатель, народ-творец», – слышался ей голос Левитана, который звучал в сводках с фронта.

Нина прошла на цыпочках в комнату, быстро разделась, легла и заснула. Во сне ей представился папа с винтовкой в руках, рвущийся в бой; Шура, бегущий рядом с танком; Иван, передающий важное сообщение в центр, Миша в окопе, стреляющий из винтовки, Сережа в отряде разведчиков за линией фронта.

Мысли роились в голове девушки, специалиста, заканчивающего мединститут. «Что скажет мама, когда узнает о ее направлении на фронт, которое получит при вручении диплома об окончании вуза. Найду ли в себе силы, или заплачу и потеряю самообладание?» Она хорошо понимала, что мама поймет Нину и не станет упрекать дочь в ее выборе.

Приезд отца с фронта

Прошел месяц. Учеба закончилась. Было дано время на подготовку к сдаче экзаменов за весь последний период обучения в мединституте. Целые дни, а иногда и ночи Нина проводила за учебниками. Надо было сдать экзамены, и она во что бы то ни стало, добивалась направления на войну. В один из погожих майских дней пришло письмо от папы.

«Дорогие мои Аня и дочка Нина! Сейчас нахожусь на излечении в госпитале, чувствую себя лучше. Десять дней назад был контужен и вышел из строя. На всем направлении Украинского фронта ведутся наступательные бои. Скоро выздоровею и, возможно, на один-два дня сумею захватить домой. Целую вас крепко, крепко. Отец».

Афанасий был лаконичен. Почерк у него был аккуратный и разборчивый, но смысл написанного с трудом доходил до адресата.

«Значит, отец был на краю гибели, ему грозила смерть...» – неожиданно пронеслось в голове у Нины, возможно, он был ранен и не хотел сообщать об этом подробно. Анна лишь тяжело вздохнула и присела на диван, как будто ей на плечи положили тяжелый груз, от которого ослабли ноги.

– Ждали, ждали отца... и вот теперь какое несчастье... – чуть не рыдала Анна, – надо собрать что-то отцу, когда он придет, она достала вязанье и показала дочери: – Я начала вязать теплый свитер, пригодится отцу на зиму. Нина, если отец недели через две придет, надо будет поспешить с вязаньем. Ты бы помогла мне?

– Конечно, мама, – спокойно сказала Нина. – Вот оказывается, почему от отца не было так долго писем, – думала Нина вслух.

– Да, Нина, я стала беспокоиться, жив ли отец вообще. Надо дочка набраться терпения и думать о лучшем и ни в коем случае не плакать... – Анна сказала, а на глазах у нее появились слезы.

Трудно быть матерью, вдвойне труднее быть матерью без мужа. Нина понимала мать, но ничего не могла с собой поделать.

Увидев на щеках у Анны слезы, Нина разрыдалась и села на диван рядом, уткнулась носом в плечо мамы. Так они просидели почти час, пока совсем не успокоились. Скромный ужин скрасило молоко, которое она получила в госпитале в качестве пайка. Нина отвыкла от молока и белого хлеба. Даже на свадьбе у Иры был только ржаной хлеб.

После ужина воцарилась непривычная тишина. Когда все мужчины уехали из дома на фронт, Нине вечерами было жутко, особенно когда молчало радио.

Как она ждала победных сообщений с фронта, и как ее радовали все даже самые незначительные победы! То, что она поедет на фронт, было решено окончательно и бесповоротно.

Теперь Нина ждала терпеливо отца, она хотела услышать о его ратных подвигах. Она помогала Анне довязывать свитер.

Отец приехал неожиданно. Нина вернулась с последнего экзамена, заметила в доме беспорядок: вещмешок лежал на диване, а рядом воинская сумка-планшет. Она прошла на кухню и там увидела Анну у плиты, которая выглядела озабоченной: чистила картошку и резала соломкой на сковороду.

– Ты чем-то обеспокоена, Нина? Как экзамены? – спросила Анна, не поднимая головы от кухонного стола.

– Сдала, – достаточно громко воскликнула Нина. – Мам, папа дома? – торопливо спросила она, стараясь скрыть волнение и беспокойство

– Да, дочка. Сейчас он пошел в баню, скоро вернется.

– Скорее давай накрывать на стол, – Нина достала из сумки булку хлеба, тушенку и пачку сахара.

– А почему ты не говоришь, как ты сдала экзамены?

– Все нормально: две четверки и пятерка, извини, мне просто было некогда. Теперь нам дали два дня отдыха, в пятницу будет выдача дипломов и назначение на работу. Я надеялась попасть на фронт.

– Не думала, что ты так скоро уедешь из дома, мне будет трудно без родных и близких, – Анна замолчала. – Будешь писать?

– Конечно, буду очень скучать! – воскликнула Нина и поцеловала Анну в щеку. – Встречусь с Шурой и Ваней. Послежу, чтобы они не шалили, – Нина пошутила. – Они же – младшие, и я должна за ними следить.

– Так и знала, что дети с легкостью расстанутся со своими родителями, а мы подолгу ждем и вспоминаем детей. Это закон жизни и ничто не нарушит его.

Нина смотрела на маму и думала: «Какая она должно быть красивая была в молодости, поэтому отец и влюбился в нее». Анна обратила внимание на то, как пристально смотрела Нина, она думала о своих сыновьях, что с ними, почему так долго нет писем от Ивана, неужели он тоже ранен? Мать и дочь приготовили обед и пошли в комнату.

– Подождем возвращения отца, он должен с минуты на минуты подойти.

Через полчаса вернулся отец, Нина заметила, что он сильно похудел. Вошел Афанасий в комнату медленно, едва передвигая ноги. На нем была военная форма, на поясе широкий кожаный ремень.

– Садись, Афанасий, к столу, что-то ты после бани совсем ослаб, опять спина болит? – спросила Анна.

– Устал, немного полежу, а потом сяду к столу. Обедайте без меня.

Анна тяжело вздохнула и стала разливать первое. Достала припрятанный штоф с водкой, две стопки и разлила щи, которые пахли свежим мясом, и вызвали бы аппетит, даже у человека насытившегося.

Женщины сели есть. Нина с аппетитом принялась за еду. Она хотела сказать отцу о своем решении, но он сам поинтересовался, когда через полчаса сел за стол. Выглядел он величественно, как статуя греческого бога, вырезанная из белого мрамора древним ваятелем: величественная голова, украшенная шапкой волнистых каштановых волос, красивые черты лица, глубокомысленный, твердый взгляд.

«Он даже выглядит более стойким, чем раньше. Как нам можно гордиться, что это наш отец!» – подумала Нина, когда встретилась глазами с папой.

Она посмотрела на маму, и они обменялись многозначительными взглядами

– Нина, ты выросла и отлично выглядишь, – начал он издали. – Что собираешься делать после окончания института? – поинтересовался Афанасий, когда сел за накрытый белой полотняной скатертью стол.

Анна постелила новую кружевную скатерть из хлопчатобумажных ниток, связанную в свободное от работы время. Таким кропотливым делом занималась иногда и Нина, чтобы помочь маме.

– Решила поехать на фронт?

– Конечно, поеду, – с улыбкой выпалила Нина. – Скоро мне дадут направление. Я надену защитную гимнастерку...

– Слышишь, что она говорит, отец, – Анна бросила взгляд на Афанасия, разлила по стопкам водку.

– Раз решила, пусть едет, значит, так надо. Ей дадут шинель, сапоги кирзовые и все, как положено, будет, – он нахмурился. – Она такая быстрая и стремительная!

– Вот видишь мама, папа согласен, – Нина ликовала от счастья.

– Ты всегда была неугомонным ребенком, – вставила Анна. – Раз отец разрешил, поезжай.

– Обязательно поеду!

Они выпил по стопке, Анна встала из-за и поцеловала мужа и дочь.

– Ну, что ж, похвально. Ты уже не кисейная девушка, самостоятельная и сама выбрала путь, по какому идти. Ждал от тебя такого ответа, – отец гордился дочерью и часто хвалил ее. – Надеюсь, ты проявишь себя на фронте с лучшей стороны и получишь орден за победу...

– Сомневаюсь, что она освоит военную специальность такую же, как твоя, будет врачом в госпитале, – лицо Анны озарилось счастьем. – Вернется со щитом или на щите.

– Ей виднее, дорогая, – с обожанием и уважением посмотрел он на Анну. – Нечего баклуши бить.

За более чем двадцатилетний срок брака он никогда не упрекал и не злился на Анну. Их «безоблачный» брачный союз полный тревог и трагедий прошел испытание на прочность временем. Нина поняла, что родители довольны дочерью, ее целеустремленностью и уверенностью в себе. «Приятно осознавать себя полезной и нужной людям, Родине», – решила она с уверенностью.

После обеда Нина расспрашивала отца о том, что он видел на фронте, страшно ли идти в атаку, когда рядом свистят пули и взрываются бомбы.

– Папа, – начала Нина, присев рядом с Афанасием на диван, где тот читал газету и обратил внимания на обращение дочери. – Папа, – громче сказала Нина. – Давай тебя послушаю. Это называется аускультация.

Он разбирал местную военную газету, где говорилось о продвижении советских войск, наградах, напечатаны речи Сталина, Рокоссовского, Жукова и другие факты из боевой хроники страны.

– Да, дочка? – отец с усилием оторвался от чтения. – Послушай как врач. В госпитале меня слушали хирурги очень хорошо, – он улыбнулся, а Нина присела рядом с лежащим на диване отцом, с усилием приподняла его, подняла рубашку и приложила ухо к спине и прислушалась.

– Патологии нет, – она опустила рубашку.

Афанасий опять лег, он понял, что нужно поговорить с дочерью, иначе Нина обидится и больше не станет ни о чем спрашивать и советоваться с родителями.

– Скажи честно, страшно быть на фронте?

– Знаешь, Нина, на фронте нет такого слова «страшно», есть слово «надо», «Родина». Когда идешь в атаку, думаешь о смерти, впереди враг и его надо уничтожить. Хочу, чтобы ты запомнила мои слова на всю жизнь, – поразился папа, так как не думал, что у нее могут возникать вопросы. – Удобнее всего наступательная позиция, а чтобы отбросить врага, нужна отличная боевая подготовка.

– Обязательно запомню!

Нина поняла, что отец больше ничего не скажет. Она еще раз прослушала отца через рубашку ухом и не обнаружила у него патологии. Он чувствовал себя намного лучше. Его здоровье пошло на поправку и теперь он стал ходить прямо. В этот день Нина достала из почтового ящика письмо-треугольник от брата Ивана. У него был мелкий разборчивый почерк. Она быстро прочитала:

«Здравствуйте, дорогие мама и Нина! Передавайте привет Шуре и папе. Пишу вам письмо из госпиталя, куда попал совершенно случайно, получил ранение в голеностопный сустав, хожу скверно. Надеюсь, недели через полторы выписаться. Мне полагался отпуск, надеюсь провести его дома, немного отдохну от фронта. Не скучайте и не грустите, скоро разобьем фашистов! Победа за нами! До скорой встречи. Иван».

Нина представила Ивана на белой госпитальной кровати, с перевязанной ногой.

Она заплакала и смяла письмо в кулачке, а потом вспомнила о родителях, разгладив аккуратно письмо, спрятала в карман юбки.

Дома молча дала письмо маме и, не дожидаясь пока та дочитает его, вышла из дома.

Было начало июня. Погода стояла отменная. Солнышко ласково светило и вызывало всех соседей из квартир на улицу или во двор. Не хотелось верить, что где-то идет война, взрываются бомбы, умирают люди.

Идти просто так без цели Нине не хотелось, и она вернулась домой.

Отец начал собираться к отъезду и медленно складывал чистые вещи в дорожный военный мешок. Свитер он взял с собой тоже на случай сильных холодов, но потом выложил и сказал, что его шинель очень теплая. Она осталась на складе в части. Нина поняла, что он вполне здоров, и долг заставлял его покинуть семью.

– Мне повезло, что письмо от Ивана застало меня дома. Жаль, не довелось нам встретиться. Скажите сыну, что скучал по нему и по всем близким.

Отец поцеловал на прощание жену и дочь и вышел из дома. Провожать себя на вокзал он не разрешил, так как не любил вокзальной суеты и предпочитал сам устраивать свой отъезд. Нина не осуждала папу, хотя и втайне надеялась пойти с ним на вокзал.

– Напишу, как только попаду в часть.

Возвращение Ивана

Через два дня все волнения, связанные с приездом отца и мужа были забыты. Женщины ждали возвращения Ивана. За трехдневным отдыхом после сдачи экзаменов наступил день вручения дипломов. В деканат лечебного факультета за день до дня вручения Нина подала просьбу о своем желании ехать на фронт.

В тот день Нина надела свое в полоску, шелковое, единственное платье, взяла с собой сумочку, куда положила паспорт и комсомольский билет. У входа в здание главного корпуса мединститута толпились выпускники. Они обсуждали возможные распределения. Нина заметила в толпе Иру и подошла ближе.

– Опоздала? – спросила Нина, так как поняла, что уже начали вызывать по фамилиям.

– Минут десять назад началось, но твоей фамилии не называли, – фигура Иры заметно округлилась, на ней было то же красивое платье, что и на свадьбе. Выглядела она очень мило и привлекательно.

– Мельченко, – услышала Нина свою фамилию и, собравшись с духом, зашла в здание и оттуда прошла в большую и светлую комнату, где заседала комиссия.

– Получите диплом и направление, – Нина дрожащей рукой взяла диплом и вышла из комнаты.

Она боялась смотреть на исписанный лист, где указывалось место прибытия и число. На улице Нину окружили выпускники. Она открыла лист и медленно прочитала: «Военно-полевой госпиталь (резерв армии), дер. Ельня, Московской обл.». «Значит, меня обманули и послали не на передовую, а в тыл. Вот почему так ележно улыбался председатель комиссии и все члены, вот почему так настойчиво кивал головой секретарь. Значит, меня обманули, и вместо линии фронта я попаду в глухое подполье». Нина вздохнула, но потом, взбодрившись, решила: «Работа везде найдется, а если сидеть, сложа руки, то и тылу можно быть убитой».

– Нина, ты меня подождешь? – тихо спросила Ира, она поняла, что подруга хочет поговорить о своем направлении.

– Обязательно, переволновалась и сейчас чувствую себя немного растерянной и уставшей. Пойдем, присядем на ту лавочку.

– Пойдем, – Ирина взяла Нину под руку, и девушки прошли в посадки, где стояла лавка, окруженная деревьями.

Они присели. Фамилии вызываемых студентов доносились до них. Наконец Ирина услышала свою фамилию.

– Нина, я пошла, кажется, вызвали меня, – сказала она и поспешила.

Нина осталась дожидаться, когда подруга вернется. Она стала думать о своем направлении. Она представляла, с какими, возможно, трудностями ей придется встретиться на первых порах. «Интересно, что самое главное в работе медика: это гуманизм или знания, а может быть и то и другое?» Нина серьезно задумалась. Ей часто приходилось быть наедине с собой, она иногда гадала на картах, стараясь угадать свое будущее, она и ее мама могли предвидеть, как сложатся их героические судьбы. Ира вернулась, Нина сидела на прежнем месте.

– Как дела? – спросила Нина, улыбаясь.

– Буду работать в госпитале по месту жительства, а пока дали направление в поликлинику.

Девушки встали и пошли по бульвару, прилегающему к институту. Солнышко светило, идти было легко и свободно. Была война, и надо было думать о грядущем дне, о возможных трудностях и лишениях, которые придется преодолеть. На перекрестке они расстались. Нина поспешила домой. Она почти бежала, в одном месте чуть не упала под колеса проезжающего автомобиля, но успела быстро перейти улицу. Поднялась на второй этаж и остолбенела. Посе-

редине комнаты сидел Иван. Он был в военной форме и опирался на палочку. На кителе рядом с медалями красовался «Орден Красной Звезды». Иван молчал и только пристально смотрел, на вошедшую в дверь сестру.

– Здравствуй, Иван. Ты меня узнаешь? – выпалила она с порога, с трудом узнавая человека с перевязанной головой. – Как доехал?

– Нина, сестренка, – он попытался привстать, но тут же опустился на стул, так как рана заживала и давала о себе знать. – Вот приехал домой долечиваться. Где мама?

– Вышла в магазин. Раздевайся, подожди минуточку, давай помогу тебе снять шинель, – Нина помогла Ивану снять свернутую в кольцо шинель с плеча, аккуратно положила на сундук. – Здорово, что приехал, – Нина поцеловала брата в щеку. – Подождем маму. Расскажи о себе.

Иван сел на диван, сестра посмотрела на брата. Высокий, красивый, мужественный, прямые, темные волосы, огромные, выразительные, глубоко посаженные глаза, жесткий рот и резко очерченный подбородок, ранение и форма придавали ему налет аристократизма. Он старался сравняться с заслугами отца. Лицо перевязано бинтом.

– Есть хочешь? Садись я тебя покормлю, – Нина стала суетиться у обеденного стола, расставляя миски, ложки. – Недавно приезжал папа, привет от него. У него здоровье гораздо лучше стало после выписки. Получила направление в тыловой госпиталь под Москвой, а потом... на фронт.

– Ты должна служить надлежащим образом, а мой долг охранять твою репутацию и защищать вас, – Иван краем глаза посмотрел на сестру. – Пожалуй, тебе следует быть более экономной и осмотрительной, такой как мама. Не обижайся, это комплимент. Вы мне очень дороги!

– Абсолютно верно, – Нина чуть не зарыдала от его укора, но нашла в себе силы ответить с достоинством. – Папа говорил, что участвовал в военном походе на украинском направлении. – Обо мне не беспокойся!

Она чувствовала себя хозяйкой дома и быстро дала понять соседям по квартире, что она замечательная кухарка и кулинар, так как прекрасно готовила пищу, пекла блины, пироги, кексы, куличи и булочки. Но с началом войны рог изобилия мирного времени иссяк, началось безденежье. Она крутилась как белка в колесе. Бралась за любую работу по дому, помогала маме. Приходилось экономить во всем, даже на книгах и посещать библиотеки, чтобы получить книги по военно-медицинской специальности.

Упреки брата вызвали в ней бурю воспоминаний, как она ухаживала за ним в детстве. Война прошла красной нитью по их семье.

Нина поспешно прошла на кухню и вернулась с кастрюлей в руках. Разлила щи по тарелкам, и оба принялись есть. Иван быстро съел первое и отодвинул тарелку от себя, встал из-за стола, вынул из кармана папироску и закурил. Нина сначала хотела сказать, чтобы он не курил, но потом поняла, что это было бы бестактно, промолчала.

Она положила брату картофель, тоненькие кусочки сала и кусок черного хлеба. Иван докурил папироску сел и не притронулся больше к еде.

– Ем мало. Челюсть сломал во время рукопашного боя. Дрались на смерть, – он показал на перевязанный голеностопный сустав и бинт на голове. – Сам тоже пострадал, надо сходить в госпиталь. Вот направление на операцию из санчасти. Нина, почему ты ничего не ешь? Испугалась?

– Нет, – после длительной паузы ответила сестра. – Спасибо, я сыта.

– Применил все, какие знал приемы боевого искусства самбо и джиу-джитсу, но положил противника на спину.

– Скоро должна подойти мама из госпиталя, – продолжила Нина, напряженно глядя на брата. – Через неделю или дней через десять уезжаю. Хочешь, поедем вместе?

– Надеюсь, выздоровею к тому времени. Посмотрим ... – он задумался. – Нина, в моем вещевом мешке должна быть тушенка и хлеб. Мне задолго до выписки дали паек. Возьми, отдай маме.

– Ваня, ты долго пробудешь дома? – она разбирала вещмешок брата. – Ты находишь, что я должна безропотно слушаться тебя? Честно тебе скажу, не видела, чтобы ты старался что-то для этого предпринять.

– Твое дело. Получил все твои письма. Пробуду дома до окончательного излечения. Хожу только с палочкой. Профессор сделал мне операцию и хотел приписать мне инвалидность, но я попросил его дать мне отпуск. Буду тренироваться, разрабатывать ногу на своем старом велосипеде. Поможешь, конечно!?

Иван был моложе Нины на три года, но сейчас он разговаривал с ней как с младшей. Нина казалась ему еще юной, но опытной девушкой. Он понюхал пороха и представлял себе, что такое война. Да и Нина смотрела на Ивана совсем по-другому. Брат был едва узнаваем, она общалась с совершенно другим человеком.

– Как чувствует себя мама? – слова Ивана повисали в воздухе, ему было трудно говорить.

– Хорошо. Помогаю ей по дому, иногда в госпиталь вместо нее хожу на дежурства, забот хватает. Мы вышиваем вместе и посылки на фронт отсылаем.

– Понимаю, у вас на курсе так все делают? – Иван представил себя на месте сестры. – Учиться ради того, чтобы воевать, разве такой представлял свою жизнь. – Нет, когда будет мир, обязательно женюсь и уеду жить в деревню. Пойду, прилягу.

– Моя подруга Ира замуж вышла за парня, у которого бронь на заводе. Она готова родить. Работам в госпитале вместе.

– Это здорово!

– Наверно ты прав, я должна прислушиваться к тебе, раз болен.

Иван одобрительно покачал головой, а потом лег на диван, который стоял посреди комнаты, рядом с двумя, отделенными перегородкой клетушками и тут же уснул.

Ему приснился бой. Он передавал важное сообщение в центр. Очень трудно было наладить связь. Наконец, когда связь была налажена, началось отступление, и фашистские солдаты открыли огонь и ворвались в комнату, где находился телефон. Началась стрельба, и Иван проснулся. Он понял, что бредил, так как Нина стояла у края дивана и смотрела на брата.

– Ваня, что с тобой, дать тебе воды?

Она выбросила из головы придирки мамы, соседей и братьев.

– Да, принеси мне воды, а лучше рюмку водки. Видно на самом деле, что-то приснилось.

Нина послушно принесла стакан воды. Иван выпил воду и вежливо поблагодарил сестру. Дверь скрипнула, и вошла в комнату Анна: лицо ее посерело, нос вытянулся, волосы поседели, платье было подпоясано поясом, чтобы сидело более элегантно.

– Иван, – она подошла к столу и положила сверток. – Вот папиросы, кури.

– Ваня, давай вместе покурим, – проявила инициативу сестра. – Водку дают только по талонам. Папа приезжал, и мы вместе с ним все выпили.

– На фронте вавилонское столпотворение было в первые дни войны, много людей погибло, – оборвал Иван. – Страшно вспоминать...

– Ты не вспоминай, – Нина нежно обняла брата за плечи и провела горячей рукой по забинтованной голове. – Хорошо, больше не надо.

– С вами курить, это, значит, дом бросить, – Анна смотрела, как дети закуривают папиросы, которые ей дали на работе в качестве пайка, и она подала им стеклянную пепельницу. – Вот, стряхивайте пепел сюда. Вообще-то курить меньше надо, но, говорят, от стресса помогает.

– Мы уже бросили, – они потушили папиросы, и Иван спрял пачку к себе в галифе. – Таким пигалицам, как ты, нельзя курить!

Дни летели со стремительной быстротой. Город оделся в зеленую листву. Раны Ивана заживали медленно. Первые попытки кататься на велосипеде закончились плачевно. Иван постоянно падал и от боли бледнел, но поднимался и начинал снова учиться кататься.

Рана на лице тоже заживала быстро. Он снял шины и скобки для фиксации зубов. Смещенные челюсти были поставлены на место, но четыре зуба были удалены под наркозом в госпитале, куда его положили на следующий день по приезду домой, где он пролежал три дня. Нина после работы каждый день посещала его и видела, что он мог только пить через резиновую трубочку воду, бульон или молоко.

– Вань, постарайся меньше давить на больную ногу, – Нина настойчиво помогала брату. – Постоянно грубишь мне. Ты вылез из больницы. Операция позади!

Когда он падал, то просил ее быть рядом и страховать его. До войны он катался отлично. Сейчас едва шевелил педалями.

– Знаешь, что, Нина, прекрати меня мучить, – Иван возмущался. – Моя нога уже совсем здорова, готов отправиться на фронт.

Нина неловко топталась рядом со старым велосипедом и братом.

– Ваня, постарайся беречь себя, – болезненный голос брата вернул ее из мира грез в настоящее. – Мы с мамой переживаем за вас с Шурой и папой, – возражала Нина, так как она уставала гораздо сильнее брата дома. – Мне скоро дадут обмундирование и паек тоже. Поедем вместе в госпиталь завтра, и я поговорю с хирургом.

– Так точно, служу Советскому Союзу, – любил шутить брат. – Разобьем врага. Все соберемся вместе, устроим настоящий праздник.

2. «Все ушли на фронт»

*Как дар грядущим поколениям,
В великой книге всех времен
Навеки будет украшением
Венок прославленных имен.*

Я. Колас

Отъезд

За день до отправления на фронт, Иван отлично ходил и даже пытался бегать, но быстро уставал, и просил Нину прекратить слишком тяжелые для его ног соревнования. Он собирался к отъезду из Саратова. Анна знала точно день отъезда детей и смирилась с этим, но в глубине души у нее оставалось сомнение. Постепенно она стала привыкать к предстоящему одиночеству. Она молча мирилась со своим душевным разладом, помогая детям в их сборах. День отъезда наступил. Был конец июня – двадцатое число. Лето стояло на редкость теплое и приветливое. Нина оформила военный билет в военкомате, получила обмундирование, паек. Мыслями была далеко от дома и уже отчетливо представляла себя среди больных и медсестер госпиталя. Как уместны казались ей сейчас изречения древних о здоровье. Главным ей сейчас представлялось освобождение человечества от навязанного фашистами кошмара. Думать о чем-то ином было Нине странным.

– Будьте живы, буду ждать вас домой, – Анне было тяжело говорить, она вздохнула, поправила волосы, и тихо произнесла: – До скорой победы над фашистами, – поцеловала каждого по очереди, всплакнула, надела на голову платок, и пошла в госпиталь на дежурство.

Дети простились с мамой без слез и лишних разговоров. Они двинулись на вокзал, где толкалось как обычно много народу. Военнослужащих было больше, чем гражданских. Все ждали и смотрели, как прицепляли вагон с ранеными солдатами и офицерами для дальнейшей их перевозки. Нина и Иван еле протолкались среди отъезжающих и провожающих. В вагоне сели на свободные места и поезд тронулся. Плачущие матери и невесты кинулись следом за медленно движущимся составом вдоль перрона. Кто-то на всем ходу запрыгивал в вагон, передавая вперед себя вещмешок.

– Напиши мне, как приедешь, – кричала девчонка и размахивала платком. – Разве это не настоящая трагедия, – жаловалась она какой-то незнакомой женщине. – На смерть мужа провожаю...

Все толкали друг друга и не обращали внимания на стоящих рядом на перроне граждан. В Нине что-то оборвалось внутри. Сердце сжалось, отчаянно забилось и закололо.

«Вернусь ли домой в Саратов? Да, обязательно и буду врачом. Счастливая ты, Нина, у тебя так замечательно сложилась жизнь, лучшая в мире семья», – думала Нина. Иван сидел и смотрел в окна на женщину с ребенком на руках. Она махала вслед уходящему поезду. Поезд отъехал на значительное расстояние от города. Попадались сельские домики, захолустный пейзаж навевал тоску и отчаяние.

Начинало смеркаться. Стали разносить чай. Нина заказала два стакана крепкого напитка, настоящего на кедровых иголках и три кусочка сахара.

Иван достал из вещмешка кое-какие продукты: сгущенку, хлеб, сало, разложил их на столе и стал резать на мелкие кусочки. Им обоим было привычно в военной форме.

– Нина, наверно, ты боишься встретить в поезде генерала, если не расстегиваешь гимнастерку. В пути ты уже на службе. Генерал в поезде – редкий гость. Он обычно едет отдельно, –

сказал Иван и передал ей кусок хлеба, намазанный сгущенкой. – На, возьми, и запомни, мы с тобой больше никогда не увидимся, а если увидимся, то уже станем гораздо старше и опытнее. Ты моя сестра на всю оставшуюся жизнь, и я буду заботиться о тебе до последнего дыхания.

Нина улыбнулась брату, она стойко переносила духоту. Поезд шел медленно, останавливаясь на каждой станции. Ночью вагон с лежачими и сидячими ранеными бойцами отцепили, и поезд прибавил скорость. Нина спала чутко, она то и дело просыпалась, постоянно прислушивалась то к биению собственного сердца, то к стуку вагонных колес. Проснулась раньше Ивана, – он спал на нижней полке, – встала, оделась и села рядом с братом, после суетной ночи с постоянным хождением младшего воинского состава по вагону, толчками вагонов перед остановками и всхлипываниями провожающих. Проводник снова стал разносить «чай». Ваня проснулся.

– Скоро прибытие? – спросил он проводника – старого мужчину в железнодорожном кителе.

– Через два часа по расписанию, но поезд опаздывает, возможно, к полудню будем на месте, – старик откашлялся и охрипшим голосом проговорил.

Попили «чай», заедая хлебом из черной муки и вяленой рыбой. Иван поглядывал с удивлением на Нину и понял, что очень умно пошутил вчера относительно ее внешнего вида, назвав ее пигалицей. Нина наелась сухого хлеба с воблой, запила это терпким чайным напитком, который бодрил и придавал сил, и стала смотреть в окно.

Пейзаж был довольно унылый, степь кончилась, и стали попадаться лесопосадки. Еще полностью не убранные полосы посевов набирали последнюю силу. Впереди показалось большое селение.

Прозвенел звонок, возвестивший о том, что поезд подъезжал к станции.

– Скоро остановка, – сказала Нина заботливо брату. – Устал? Вот возьми эти деньги, пойдешь и купишь что-нибудь. – Иван тоже достал и пересчитал несколько свернутых с рулон купюр советского периода.

– Мои отпускные. Сбегаю, а то все припасы на исходе.

Поезд дернулся и остановился. Заспанные пассажиры побежали к базару, расположенному близко от здания вокзала. Старухи с воблой, солеными огурчиками, черешней, домашними пирожками из темной муки стояли у забора. Иван, чуть прихрамывая, прошел ряд и, остановил взгляд на молочнице с пол-литровыми банками кислого молока, подошел.

– Бери, сынок, – проговорила старуха, – молочко хорошее, сама квасила.

– Спасибо, мать, надеюсь, правильно заквасили, а то верну.

Иван вспомнил домашнее кислое молоко, заплатил деньги и поспешил к тронувшемуся составу, осторожно придерживая в правой руке две банки с молоком, которое хозяйка оставила для продажи, чтобы выручить небольшую сумму денег и заплатить за жилье. Иван еле успел сесть в поезд. Через два с половиной часа поезд подъехал к Москве. Все повалили из вагонов.

Нина и Иван пошли в здание вокзала и остановились, глядя на расписание поездов. Затем вышли на перрон, где толпы народа толкались и покупали билеты в разных направлениях. Нина ехала по своему направлению, Иван – в свою воинскую часть. Они растерялась, но тут же Нина собралась с духом и пошла в воинскую кассу и купила два билет на проходящие поезда до места, откуда легче всего было доехать до нужной ей деревни Ельня, а ему в разведгруппировку радистом на запад

– До встречи, сестренка, – пожелал на прощанье Иван и поцеловал Нину. – Буду писать.

– Береги себя, Ваня, – Нина гордилась братом и втайне хотела быть похожей на него, так как ей импонировало его мужество и патриотизм. – Всем смертям назло возвращайся, брат.

Они крепко обнялись и еще два раза поцеловались по русскому обычаю в щеки.

– Итого три раза, – проговорила Нина, глядя в упор. – Ты настоящий герой. Горжусь тобой!

– Ерунда. Тебе до отправления еще есть время. Погуляй! – Иван вскинул на плечо вещмешок и поспешил к вагону. – До встречи.

Госпиталь

Оставалось время до отправления, примерно час. Нина решила прогуляться по столице, тем более она была в Москве впервые.

Она успела только выйти из Павелецкого вокзала, и ее поразили масштабы города и количество военнослужащих, отправляемых в одном направлении.

Нине пришлось долго оглядываться по сторонам. Она прошла по близлежащим улицам. На улице Горького, которая была впоследствии переименована, прошла мимо Елисеевского магазина с обилием продуктов питания, но ограниченного доступа. Она спешила на поезд. Ехать до деревни пришлось долго. Буквально на одну минуту поезд притормозил, и Нина выскочила из вагона. Станция с тем же названием Ельня была расположена в лесу, и лишь несколько домиков указывали на то, что здесь населенный пункт. Увидев впереди себя просто одетую женщину с грузом в руках, Нина догнала ее.

– Простите, где здесь находится санчасть?

– Это, дочка, тебе надо выйти из села и пройти по дороге, там и увидишь госпиталь. Ты что приехала по направлению к нам?

– Да, – бойко ответила Нина, – меня скоро отправят на фронт, на передовую.

– Трудно сейчас на фронте, да и тылу не легче, много дел, мужиков нет, сама понимаешь, что война... это... продлится, а врага победить надо. Мы рядом с Москвою живем и боимся этих фашистов проклятых. Каждый день радио слушаем.

Нина увидела, изможденное непосильным трудом лицо женщины и потрескавшиеся от частой стирки руки.

– Если навалимся всем миром, враг будет убит, – ответила Нина твердо.

– Правильно, дочка, за свободу биться до последней капли крови.

Женщина замолчала. Впереди показалось двухэтажное здание госпиталя. Над вторым этажом появились яркие проблески утреннего солнца. Это было массивное сооружение бывшей усадьбы, затем детский пансионат, но был переоборудован на период военного времени в госпиталь.

– Вон видишь впереди большой дом. Это и есть госпиталь. Туда всех раненых привозят с фронта, – добавила женщина на прощанье.

Служители готовились к предстоящему приезду грузовых машин и подвод, разравнивали дорожки и посыпали песком. Невдалеке виднелся колодец. Этот колодец служил основным источником питьевой воды. Речка находилась гораздо дальше. За ночь колодец наполнялся пресной водой из целебных подземных источников, которую использовали на кухне и для утоления жажды всем желающим.

– Тогда я пошла, – ответила Нина и направилась по направлению дома, куда указала попутчица.

Две няни в белых халатах и белых косынках встретили Нину у входа. Они мыли пол, что-то обсуждая между собой. Заметили входящую в коридор девушку.

– Проходи, дочка, не стесняйся. Служить к нам приехала?

– Да, мне нужен главный врач.

– На втором этаже, последняя дверь направо. Фамилия его Холодов Александр Иванович. Идите.

Они прекратили мыть пол и пропустили Нину. Она поднялась на второй этаж по красивой лестнице с витыми железными перилами. В коридоре были расставлены кровати и носилки для лежачих больных. Они все были перебинтованы, у некоторых кровь проступала на простынях. Постели были измяты и темного цвета. Многие из них спали, некоторые стонали или просили медперсонал об услугах. Между рядами ходили выздоравливающие больные на костылях.

Она прошла по коридору и увидела дверь с табличкой, на которой было написано: «Главный военный врач». Нина постучалась и вошла в кабинет главврача. Он сидел за массивным столом в белом халате.

– Здравия желаю! – поздоровалась Нина и отдала честь. – Прибыла по направлению.

– Рад вас видеть. Входите, присаживайтесь, – пригласил Александр Иванович, окидывая Нину оценивающим взглядом. – Давно вас ждем.

От волнения Нина забыла имя и отчество главного врача и стояла в нерешительности. Она посмотрела по сторонам: на стенах были плакаты наглядной агитации с различными видами топографических карт, оружия, воинских званий всех родов войск и другими нужными для работы военного госпиталя знаниями.

– Пожалуйста, проходите, – повторил главврач. – Приветствую вас на новой службе.

– Так точно, – Нина порылась в чемоданчике, достала документы и положила на стол перед ним свое приписное свидетельство и военный билет. – Я направлена к вам на службу после окончания мединститута в Саратове. Вот мои документы, – Нина говорила, а главврач внимательно читал направление.

Это был седой, сухопарый мужчина, высокого роста, лет шестидесяти двух, в белом халате и шапочке. Он оправдывал звание заведующего госпиталем. На нем лежала огромная ответственность за жизни вверенных ему больных и служащих. Постоянно сам совершал обходы палат, оперировал, учил молодых санинструкторов, проводил медицинское обследование сложных пациентов, читал лекции по гражданской обороне и пожарной безопасности, лечил инфекционных больных и никогда не жаловался на трудности, так как научился преодолевать их с минимум средств и возможностей. Его операции ассистировали по очереди все санинструкторы, кто проходил стажировку у него под началом. Часто слышали, как он потирая плечи: «Срочно везите в операционную. Готовьте простыни, шприцы, иглы, эфир, скальпели, зажимы, кровотоосос, вату, бинты, кетгут, кислород».

Операционные медсестры знали наизусть свои обязанности, и каждый раз как молитву повторяли его слова, никогда не нарушая установленный порядок проведения плановых и экстренных операций, замещая своих коллег в случае болезни или смерти.

Младший медперсонал стремился как можно лучше справляться со своими обязанностями, чтобы показать свои наиболее сильные стороны для определения, кому в первую очередь разрешается ехать на фронт. Для выявления территориального предпочтения выбирались наиболее опасные участки работы, где требовались сильные руки и крепкое здоровье.

Мнение, что хирург – это костоправ было распространено в то время, но у Холодова было настолько доброе сердце и бескорыстные помыслы, что люди забывали о нем на второй день после выписки из госпиталя, уезжали на фронт и возвращались в строй. Слово «врач» всегда было для всех престижным и достойно уважения. Холодов помнил известных древних хирургов, начиная с Гипократа, которые заложили основы хирургии. Он часто применял методы Бакулева, Пирогова, Разумовского, Вишневского, Спасо-Кукоцкого, Боткина.

– Ну что ж, будете под моим началом в палате доврачебного приема, а потом разрешу курировать палату, – у Холодова было бледное лицо, на носу сидели очки в темной оправе, которые он аккуратно двумя руками надел, когда стал рассматривать воинские документы.

– Хотела на передовую, комиссия направила меня к вам.

– Ну что ж, рад, что вы настроены по-боевому, – главврач внимательно посмотрел на Нину и продолжил. – Сейчас идите и познакомьтесь с вашими обязанностями. Документы можете взять.

– Так точно, – Нина взяла документы со стола и вышла из комнаты.

Ее внезапно охватило чувство волнения и тревоги: «Сумею ли справиться со своими обязанностями, найду ли контакт с больными?» Она прошла в комнату старшей сестры. Та дала ей белье и провела в маленькую комнату с одной кроватью и тумбочкой.

– Здесь располагайтесь. Сейчас больных и раненых мало. Завтра ждут состав из-под Москвы.

Нина целый день и вечер была предоставлена себе. Она разложила вещи в маленькой комнате с тумбочкой и двумя кроватями, застелила постель и вошла умыться в чистую, выложенную белым кафелем ванную комнату. Набрала в таз теплой воды, достала хозяйственное мыло и вымылась с головы до ног. Затем выплеснула воду в сточное отверстие и набрала вторично.

Все тяготы длительного перемещения, нервозности ушли в небытие. У нее появилась надежда на уважение и признание своего таланта и умения работать под началом опытного специалиста. Нина тщательно вытерла смуглую кожу жестким полотенцем, надела новую гимнастерку, посмотрела на себя в запотевшее от пара зеркало и осталась довольна санитарно-гигиенической процедурой, о которой она мечтала всю дорогу.

Вернулась к себе в комнату. За столом увидела Катю Серебренникову, голубоглазую русскую красавицу с матово-белой кожей и полными руками. Нине приглянулась симпатичная медсестра. Катя была из Челябинска. Она окончила медицинское училище и была направлена на работу. Трудилась Катя быстро. Жгуты и перевязки делала быстро и красиво. С этого дня завязалась их крепкая дружба и целенаправленное стремление на фронт, приносить как можно пользы для победы.

– Добрый день, – с уважением сказала Нина, когда появилась на пороге. – Твоя новая соседка, будем жить вместе, санинструктор Мельченко.

– Одна ласточка весны не делает, – ответила Катя звучным голосом. – Идем обедать.

– Так точно, – Нина поправила гимнастерку и улыбнулась. – Идем.

Они отправилась в общую столовую, которая находилась на первом этаже госпиталя, где квартировался штат временных работников и служащих. Остальной персонал жил в селе и приходил на работу к семи часам утра. Иногда дежурили, но в это время главврач выделял свою комнату для отдыха, что было крайне редко, так как эти дежурства были сопряжены с приемом раненых и покалеченных с передовой. Обедали они в больничной столовой. После обеда занялись уборкой палат.

Это действительно был другой мир прифронтовой зоны, который Нина еще не знала, но очень хотела влиться в него.

В этот день она начала знакомиться со своими служебными обязанностями, показали все кабинеты, познакомилась она и с медперсоналом. Нина успевала сделать осмотр и перевязки. Холодов предписывал срочное лечение. Катя и Нина сразу подружились.

– Радуйся, что мы теперь подруги, – Катя, делая перевязку около постели лежащего пациента с простреленной кистью и бедром, посмотрела на Нину. – Это наша территория.

– Санинструкторы всецело наши, – ответил раненый красноармеец, оживая на глазах. – Новенькая? – он лениво повернул голову и открыл глаза. – Как зовут?

– Нина, – она уже чувствовала себя как рыба в воде. – Вылечим, вместе воевать будем.

– Милая ты моя, воды, – донеслось с соседней койки стоны умирающего бойца. – Срочно пить!

– Выпей, полегчает... – Нина налила из графина полный стакан воды и поднесла к губам парня, который просил о помощи, ее движения были пластичными и очень быстрыми.

У больного появилась улыбка, и глаза засветились.

– Я пошла в операционную, продолжай без меня, – Катя направилась в операционную на дежурство, а Нина продолжила проводить инъекции, переливания и другие процедуры вместе с медсестрами и стационарными пожилыми врачами, которых в больнице было только трое из соседнего райцентра.

Они уже предупредили Нину, что хотят отдохнуть минут пятнадцать, чтобы попить чая в коридоре, где на койках лежали около тридцати человек или больше. Нина ходила между

койками и выполняла любые поручения. Когда все больные успокоились и стали постепенно засыпать, она вышла и пошла по лабиринту госпиталя, где в каждом углу лежали больные с огнестрельными ранениями и инвалиды.

После ужина решила пройтись вокруг здания и познакомиться с местом своего пребывания на службе в советской армии. Больница находилась в нескольких метрах от дороги. Чуть дальше был лесок, и на изгибе леса делала свой поворот небольшая речушка. Пейзаж был достоин кисти художника. Нина залюбовалась красотой Подмосковья и закатом, вспомнила детство, и ей показалось, что в далеком прошлом она была здесь и видела эту созданную самой природой, самым лучшим творцом, красоту. Было что-то манящее в густой зелени деревьев, в блеске речных вод. Хотелось смотреть и думать о доме, о мирном труде, братьях, отце, маме. «Какие красивые места!» – восхищалась Нина. Возвращалась в госпиталь медленно. Сейчас она поняла, что устала и должна была отдохнуть. Ей приснилась мама в розовом красивом платье, и она сама в праздничном наряде гуляла по городу, ели мороженое, катались на качелях в парке.

Каждый день во время работы санинструкторы и весь медперсонал госпиталя слушали радио, переживая за поражения, радуясь победам. Все чаще и чаще передавали сообщения с фронта о победном марше советских войск. Медленно пядь за пядью теснили советские воины фашистов с захваченных земель. После кровопролитной битвы под Москвой все поверили в победу. Смятение, охватившее людей от гитлеровского плана «Барбаросса» – молниеносной войны прошло. Медперсонал, включая новенькую Нину и Катю, трудился, забывая об усталости, и все помогали друг другу.

– Как долго продлится война? – спросила Катя в обеденный перерыв Нину, когда разнесли по палатам для лежачих больных порции каши и щей. – Я бы многое отдала лишь бы быстрее прекратить это смертоубийство.

Ходячие получили свои миски, и расселись на кроватях, медленно разжевывая полученный хлеб или смешивая этот хлеб с кашей, и запивая молоком. Катя была на четыре года моложе Нины и смотрела на все наивными глазами.

– Не знаю, – ответила Нина, наблюдая за окружающими, надеясь когда-то вернуться домой. – Одно определенно, надо трудиться для победы

– Мой брат погиб под Москвой, – сказала Катя, пробуя на вкус квас, который она сама делала из оставленных на столе крошек черного хлеба.

– Не грусти. Нам всем сейчас не сладко. Как звали брата?

– Виктор. Хороший был парень. Веселый и озорной. Меня любил. Мы были с ним не разлей вода. Недавно письмо из Сибири получила, – Катя сделала многозначительную паузу. – У нас там почти нет родственников. Старшая сестра с мамой работают на заводе.

– Тяжело... – задумчиво произнесла Нина. – Надеюсь, выживем!

Девушки с Холодовым поели пресные щи и картофель в столовой. Затем пошли на вечерний обход палат. Раненные солдаты вели себя тихо и прекращали острить при виде сурового и беспристрастного лица главного врача. Было понятно, что они снова рвались вступить в схватку с врагом. Холодов рекомендовал, как лучше лечить и какими новыми препаратами, чтобы быстрее поставить на ноги. Он специально оттягивал день выписки до полного выздоровления. Назначал лечение, чтобы пациенты потом не жаловались. Да и жаловаться было некому. Некоторых хоронили недалеко от госпиталя. После небольшого отпевания и причитания могилу закапывали и ставили крест с надписью о координатах жизни. Фамилию и имя заносили в списки умерших бойцов.

– Какой из тебя солдат, если ты едва ходить научился. Тебя военная комиссия сразу забракует. Нет, надо подождать, – повторял Холодов. – Тебе крупно повезло, что попал к нам, лечись и выздоравливай!

Нина и Катя закончили обход палат и боксов. Назначений на завтра было достаточно, и они решили отдохнуть.

– Нина, искупаемся в речке. Там есть мелкие места, можно позагорать.

– Не возражаю, пойдём.

Они взяли полотенца, тазик для стирки белья, салфетки, грязные портянки. Ветерок дул в лицо и шевелил волосы. Через минут пять или десять они подошли к реке, расположились на берегу около камышей и стали застирывать белье: кровавые бинты и простыни.

– Знаешь Катя, а я ведь тоже родом в Сибири. Из Иркутской области. Была там?

– Нет, вообще мы мало ездили, – статная фигура девушки отражалась в воде, после паузы Катя продолжила очень выразительно. – Значит мы землячки. Как хорошо, что мы встретились с тобой здесь, правда?

– Наверно. У войны свои законы, поэтому будем помогать фронту. Моя мама тоже в госпитале работает в Саратове.

– Они на заводе по три смены снаряды льют. Дома почти не бывают. Работают по очереди.

Солнце начинало садиться. Девушки разделись, сложили белье на траве и медленно зашли в воду. Вода была чистая и прохладная. Нина умела плавать, и сразу заплыла очень далеко. Катя стояла у берега и плескалась.

– Катя, плыви, – позвала Нина и помахала рукой. – Вот сюда.

– Не умею. Боюсь глубины. Сколько раз училась, но бесполезно.

Девушки искупались, оделись, захватили постиранное белье и вернулись в госпиталь. На следующий день приехал вагон с ранеными и тяжело контуженными. Из разговоров Нина поняла, что враг подходит к Волге. «Значит, Иван доехал до своей части и сражается где-то на подступах к Сталинграду». Нине хотелось в самую гущу событий.

– Успеете навоеваться, Нина. Опыта набирайтесь. В таких страшных условиях на поле боя будете из окопов солдат на себе выносить. Мы сами там были. Рецепты и процедуры – это для мирного времени. Точно уверены, что сумеете оперировать под пулями? – успокаивал ее Холодов.

– Сложность задачи не умаляет наших способностей. Мы хотим с Катей на фронт в одну часть, – просила Нина Холодова. – Моих знаний достаточно.

Она была в недоумении, поскольку они договорились ехать вместе и чем раньше, тем лучше. Дни шли своим обычным ритмом. Сразу через неделю Нина написала письмо маме в Саратов.

«Дорогая мама! Доехали с Ваней благополучно и расстались в Москве. Он поехал в свою часть. Самочувствие у меня нормальное. Скучаю по дому. Не печалься обо мне. Познакомилась с персоналом. Питаемся три раза в день в госпитале. Здесь в селе рынок, где есть фрукты: яблоки, груши, сливы и вишня. Продают рыбу: карасей, лещей, щук. Трудимся круглосуточно. Надеюсь попасть на фронт. Целую, Нина».

Она как обычно сложила письмо, поцеловала и спрятала, чтобы при первой возможности отправить. Девушки слушали радио после перевязок и уколов каждый день с напряжением и вниманием, переживали за поражения, радовались успехам. Все чаще и чаще передавали сообщения с фронта о победном марше советских войск. Медленно, пядь за пядью, теснили советские воины фашистов с территории СССР.

Концерт

Лето подходило к концу. Зеленый пейзаж начинало сменять золото листьев. Во всей природе появилась какая-то лень и нега.

В этой тишине и монотонности будней чувствовалось волнение и тревога за судьбу страны. Нина трудилась круглые сутки, забывая об усталости. Бойцы хотели пить и стонали. Она научилась проводить сложнейшие операции, и все время помнила слова Холодова. Катя, когда вспоминала о доме во время перевязок, тихонько пела глубоким, сильным голосом. Она знала много русских народных песен. Нина тоже петь умела и любила. Она хорошо декламировала и могла наизусть рассказать две первых главы поэмы «Евгений Онегин» Пушкина. Медперсонал организовал концерт для раненых бойцов в один из субботних вечеров. Кроме подруг в концерте приняли участие другие сотрудники госпиталя. Две операционные сестры подготовили инсценированное чтение басен Крылова, служащие столовой станцевали матросский танец.

Катя вызвалась объявлять артистов. В самой большой палате сдвинули кровати и, на образовавшемся небольшом пространстве, стали исполнять свои номера. Все больные, исключая тех, кто не мог передвигаться, собрались в определенное время в палате для выздоравливающих красноармейцев.

– Выйдешь на сцену, на зрителей посмотри внимательно, повтори стихи, улыбнись и поклонись в конце выступления, – шептала она на ухо Нине перед ее выходом, подбадривая. – И успокойся, не волнуйся так сильно.

– Все помню, – Нина волновалась больше других, вспоминая свои выступления в школьных кружках самодеятельности, и удивлялась таланту и терпению всех своих учителей школы, рабфака и вуза.

Выйдя в центр палаты-сцены, Нина откашлялась и стала декламировать:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог,
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!

«Зал» сидел в оцепенении. Слушали, затаив дыхание: кто вспомнил детство, родной дом и родителей, кто школу и любимых учителей.

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя.

Стоящие в коридоре сотрудники госпиталя открыли шире дверь, чтобы послушать выступление Нины. Служащие столовой едва успели отдышаться после танца, и подошли

ближе к распахнутой двери палаты. Нина декламировала долго. Ее иногда прерывали стоны и всхлипывания. Закончила Нина свое выступление словами:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.

Все стали аплодировать. Холодов сидел, сгорбившись, в своем стуле, просматривал списки больных и расходные счета. Нина залилась краской, улыбнулась, поклонилась, как ее учила Катя, и отошла в сторону. Последним номером концерта выступала Катя Серебренникова. Бойцы знали ее как заботливую сестру и замечательную певицу. Исполнив три народные песни: «Во поле береза стояла», «Ах, вы, сени мои, сени», «Ой, мороз, мороз», ушла со «сцены». Больные остались довольны. Концерт удался, вечером вспоминали задушевные песни Кати, когда рвали простыни на бинты и салфетки.

На следующий день утром, перед обходом Холодов пригласил Нину в свой кабинет на серьезный разговор. Она вошла в кабинет, главврач расхаживал из угла в угол, всем своим видом демонстрируя озабоченность. У него было серьезное лицо мудрого и пронизательного человека. Нина осмелела, и ее впечатлил вид этого сильного человека.

– Здравия желаю! – у нее мурашки пробежали по спине от взгляда его серых глаз, слегка прикрытых тяжелыми веками.

«Сколько пришлось пережить этому человеку, сколько человеческих жизней он спас», – думала санинструктор. – «Великий человек».

– Дорогая, Мельченко! – он остановился у окна, и в глазах его промелькнула тревога. – Заходи, присаживайся...

– Так точно, – улыбнулась и Нина села на массивное старинное кресло, украшенное витой резьбой с цветами и листьями, которое осталось в госпитале с дореволюционных времен. – Мне очень понравилось у вас. Надеюсь остаться в вашем распоряжении.

Польщенный главврач расправил спину, и как будто сделался гораздо выше ростом. Он тоже улыбнулся морщинками в уголках глаз, его взгляд столкнулся с взглядом санинструктора. Нина заметила на его лице чуть ниже подбородка шрам, полученный им, вероятно, во время ранения или боевой операции на фронте.

– Должен тебе сообщить, что мы получаем лекарства из Москвы. Некоторые из них наркотического и успокоительного действия, они хранятся у меня в сейфе. Это промидол, омнопон и седуксен. Спирт получает старшая медсестра. Будешь получать по особому назначению лично в руки. Ясно?

– Так точно, – Нина встала с места и направилась к выходу.

– Подожди, давай без формальностей. Мы здесь одна семья. У тебя, наверно, есть брат или жених в Саратове. Так?

– Так точно. Они все ушли на Белорусский и Украинский фронт.

– Вот и отлично. Сейчас идем на обход. Иди.

Нина вышла, в коридоре стояли трое врачей в халатах и гимнастерках. Все престарелые, все отягощены заботами, все серьезные, их лица испещрены морщинами. Холодов подошел к ним. Он чувствовал себя в госпитале как у себя дома.

– Ну, что же коллеги пройдемся, – Холодов шел впереди между коек. Он подходил к каждому пациенту и подбадривал участников сражений. Врачи показывали ему их истории болезней и предписанное лечение.

– Тише! – терпеливо проговорила Катя, обращаясь к красноармейцам. Они подошли с докладом к Холодову. – Сейчас обход и консилиум.

– Приехала подвода, товарищ капитан, – отрапортовал один из них, показывая в сторону выхода. – Это со второго Белорусского фронта.

– Надо разгрузить, – скомандовал Холодов. – Срочно готовь операционную.

Врачи, санитарки, медсестры, дворник, служащие кухни вышли во двор и принялись таскать носилки с бойцами, укрытыми соломой и одеялами и класть на пол в коридорах госпиталя. На лицах врачей не отразилась ни растерянность, ни страх. Когда весь пол на первом этаже был закрыт телами раненных красноармейцев, стали таскать на второй этаж.

Первая телега отъехала, потом вторая. Всего было шесть телег. Выздоровливающие сели на отъезжающие телеги и отправились в действующую армию. Благодаря этому много мест было сразу освобождено. Неожиданно в коридоре раздался душераздирающий крик Кати: – Срочно кислород! – умирал очередной боец, но слух Нины поставил как будто препятствие этому крику.

Она принесла подушку и отдала Кате. Та приложила к губам красноармейца. Его дыхание стало ровным. Через четыре часа всех вновь поступивших обработали и накормили. К вечеру у санинструкторов «разламывались» спины и тряслись руки. Стало понятно, что поступают бойцы из-под Сталинграда.

– Не хочу обсуждать, – произнесла Нина скорбно. – Ты мужественная санинструктор и достойна медали.

Она отпила из стакана сто грамм спирта, когда похоронили первого умершего. А их в тот день было только двое. Такие подводы стали поступать потом почти ежедневно, когда началась битва под Москвой. Весь госпиталь превратился в сплошное скопление народа. Врачи и медсестры едва успевали выносить грязные и кровавые простыни. Холодов придирался к каждой мелочи и требовал исполнения всех его указаний. У медперсонала опускались руки, когда они видели его в лихорадке, стоящего у операционного стола. Ему вытирали пот со лба салфеткой, подносили нашатырный спирт, но он продолжал оперировать, и это давало всем повод считать его фанатиком медицины и победы.

Болезнь

Внезапно в один из дней осени Нина заболела. Во время обхода почувствовала себя плохо. Извинилась перед Холодовым и попросила разрешения уйти к себе в комнату. Не раздеваясь, Нина легла на кровать и как будто провалилась в глубокую яму. Очнувшись, она почувствовала на лбу холодное полотенце и увидела перед глазами лицо Кати.

– Нина, что с тобой?

– Не знаю, наверно, это переутомление. Я еще вчера поняла, что заболела, но не хотела говорить, – ослабевшим голосом говорила Нина. – Наверно, простудилась... – Нина хотела еще что-то сказать, но потеряла сознание.

Катя набрала в шприц лекарство и сделала укол в руку. Немного задержавшись в комнате, она вышла. Пройдя в столовую, Катя попросила налить первое и второе. Отнесла еду Нине в комнату.

Утром следующего дня Нине сделали переливание крови. Та не спала, а просто лежала на кровати. Вид у нее был гораздо лучше. Тарелки были пустые.

– Кажется, мне стало гораздо лучше, – сказала больная слабым голосом.

– Нина, тебе еще рано вставать. Сама справлюсь. Хорошо?

– Ты знаешь, ты права, переутомилась. Предыдущие две ночи не могла уснуть, вспоминала маму и братьев. Давно заметила, когда дома что-нибудь случается, начинаю заболевать.

– Давно получала письма из дома?

– Прошло около месяца. Волнуюсь о родных, – Нина замолчала и на лице у нее отразилась тоска и усталость. – Сейчас в тылу трудно, как на фронте. Маме тяжело там одной, – казалось, что она бредила.

– Нина, спи, а потом поговорим, я пошла, иначе ты не уснешь.

Катя вышла из комнаты Нины. Она подумала, как хорошо, что у нее есть подруга и советчик в лице Нины. «Было бы не плохо на фронте оказаться в одной части».

Кате Серебренниковой было двадцать лет. Она была высокого роста. Волосы у нее были светлые и густые, она заплетала косу и закручивала ее сзади в узел, глаза выразительные, короткий ровный нос, пухлые губы. Говорила она громко, четко проговаривая каждое слово, производя приятное впечатление. С первого взгляда Нине она понравилась, ее деловитость и умение общаться с пациентами. Катя занялась своими обычными делами: осмотр пациентов, обработка ран, перевязки, подготовка инструментов для операций, санация помещения. Во время работы Катя тоже забывала и о доме в Челябинске, и о сестре, и о маме. Ее любили и уважали в коллективе за оптимизм и веселый характер. Все ласково называли ее Катюша. Закончив дела, Катя прошла к себе в комнату, сняла белый халат, повесила его на гвоздик, расправила платье, села за стол и задумалась. Свою работу любила, хотя и сильно уставала.

Вот и на этот раз чувство усталости было настолько сильным, что она, опустила голову на руки, сложенные на столе и уснула. Ей приснился прекрасный весенний сад весь в цветах. Будто она в светлом платье ходила по саду. Необыкновенный аромат весенних цветов яблонь одурманивал, ей хотелось выйти из сада, но выхода нет: куда бы она ни ступила, везде деревья и нет им конца. Катя проснулась от неожиданного стука в дверь. Очнувшись ото сна, она подошла к двери, открыла и увидела Холодова. Вид у него был усталый и возбужденный.

– Извини, Катя за мой поздний визит. Сейчас надо помочь в выгрузке тяжело раненых. Прислали еще один вагон с людьми. Быстренько собирайся и выходи. Носилки уже стоят у входа.

Холодов вышел. Катя надела халат и прошла во двор. Там уже работали медсестры и врачи. Они снимали раненых и трупы с грузовых машины, клали их на носилки и заносили в здание.

Катя сразу подключилась к работе. Больные стонали и охали. Девушка, как могла, уговаривала потерпеть, что скоро облегчит их страдания, сделает перевязку. Бойцы слушали и замолкали. Все койки в палатах были заняты, не смотря на то, что перед этим многих выпи-сали. Стали класть снова на пол в коридорах, застелив шинель и одеяло. Пол в больнице был деревянный, поэтому опасности простудиться не было. Трое солдат за дорогу умерли. Холодов приказал похоронить их недалеко от госпиталя и сообщить родственникам о смерти. Когда выгрузку закончили, Катя вернулась к себе в комнату, легла спать и погрузилась в глубокий сон без сновидений. Было три часа ночи. Утром первым делом она посмотрела на Нину. Та еще спала. От пристального взгляда подруги Нина проснулась и, еще не очнувшись от сна, в недоумении смотрела на Катю.

– Доброе утро, Нина. Выспалась?

– Спасибо за внимание. Чувствую себя намного лучше. Наверно, сегодня смогу работать.

– Знаешь, пришел вагон раненых и убитых, надо срочно выдвигать, врачей не хватает. Вчера ночью была выгрузка. Холодов приказал направить меня сегодня за медикаментами.

– Он интересовался моим самочувствием?

– Главный спрашивал о тебе, – соврала Катя, так как прекрасно понимала, что он занят. – Если можешь, собирайся, пойдём на работу.

– Да, да сейчас встаю, – Нина встала с постели, она чувствовала, что ослабла за время болезни, у нее кружилась голова.

– Надо зайти на кухню посмотреть, готова ли еда для вновь прибывших солдат с фронта? – сказала и постаралась внутренне собраться и, не показывая своей слабости перед Катей, надела белый халат.

Девушки прошли в столовую. На кухне все было готово. Из больших кастрюль-чанов шел приятный аромат пищи. Девушки хотели кушать, но не подали вида.

– Нина, будешь пробовать? – спросила повариха, улыбаясь и наливая в миску суп.

– Да, конечно, если это необходимо, – ответила Нина.

Повариха налила две порции супа и положила второе. Нина и Катя с аппетитом поели. Нина почувствовала, что она сразу окрепла. Катя тоже стала улыбаться.

– Ну, как понравилось?

– Спасибо, очень вкусно. Теперь мы всех раненых на ноги поставим.

– Вот и отлично! – поддержала повариха. – Добавки хотите?

– Конечно, тетя Тося, – они протянули пустые миски.

Антонина положила каши на тарелку и рядом кусок ржаного хлеба. Еда была аппетитная, и подругам казалось, что они никогда не наедятся. Но тарелки опустели моментально.

Девушки вышли из столовой, и пошли по палатам. Тяжело раненных пациентов было очень много. Нина сразу назначила лечение и помогала Кате делать перевязки. Через некоторое время к ним подошел Холодов.

– Пора за работу Нина. Что с тобой было, выздоровела? Сейчас болеть некогда. Врачи должны спасать людей, так? – строго произнес он и пожал им руки.

– Так точно, чувствую себя намного лучше, поэтому и вышла на работу, – ответила Нина, отдавая честь и поправляя сбившуюся набок пилотку, которую ей выдали на складе сразу по приезду в госпиталь.

Нина еще раз прошла по палатам. Почти все спали. Заметив Нину, бойцы улыбались. Она запрещала всем курить. Поправила волосы и, присев на край кровати, расправ-ляла подушки, укутывала одеялом. Раны больных кровоточили, а запасы бинта и ваты были на исходе. Катя должна была приехать утром, а перевязку надо было делать сейчас. Нина могла и экономить, но она разорвала простынь и использовала ее на бинты.

Одной без помощника было трудно, но старалась и с успехом справлялась со своими обязанностями. Нина встретила Катю рано утром с лекарствами, ватой и бинтами. С дороги Катя устала и с трудом передвигала ноги. Ей приходилось быть особенно внимательной, так как только она знала, где находятся все препараты.

Письмо из дома

Укомплектовав заново аптеку, Катя отпросилась отдохнуть после работы. Нина не возражала, понимая, что без отдыха работать нельзя. Сама она с трудом передвигала ноги, хотя голова у нее работала нормально. Надо было дать некоторые указания по поводу тяжелых больных. За время прибытия новой партии еще один умер и один был при смерти.

Нужна была кровь для переливания, иначе солдат умрет от кровопотери. Нина решила сдать свою кровь. Она сказала об этом Холодову, он не возражал, но предостерег Нину быть крайне внимательной к своему здоровью.

После переливания крови ей придется отдыхать два дня, когда силы восстановятся, и она снова сможет работать. Нина была согласна, зная, что будет спасать жизнь человека своей кровью.

Переливание прошло нормально. Нина отдыхала от суеты медсестер. Из кухни ей принесли обед: первое, второе и третье. Она с жадностью выпила, показавшийся ей несладким компот. Постаралась уснуть, но вместо сна впала в забытие. Очнувшись, обнаружила на столе письмо. Кто-то занес этот конверт им в комнату. Нина взяла его в руки и прочитала обратный адрес: Саратов. Она поняла, что это письмо от мамы. От одной этой мысли у нее навернулись слезы. Она быстро открыла конверт и прочитала письмо.

«Здравствуй, дорогая дочка! Долго не отвечала тебе, так как было очень много дел. Очень рада за тебя, что здоровье твое хорошее и чувствуешь себя хорошо. Дома бываю мало. Только прихожу спать. Работаю много, иногда в две смены приходится выходить. Приезжал в отпуск Шура. Он был ранен в пятку, горел в танке, но спасся. Теперь чувствует себя хорошо. Неделю Шурик жил дома, помогал мне. От отца писем давно не было. Иван написал письмо, что доехал нормально и сейчас служит. Напиши обязательно о себе. Мое здоровье хорошее, пока не болею. До свидания, береги себя, мама».

Нина вспомнила лицо мамы, ее речь плавную и неторопливую.

Часто в госпитале во время дежурств раздражало внимание Анны ко всем ее делам.

Толчея, суматоха, крики хирургов, одобрение незнакомых людей ее работой как медсестры, медсмотры мужчин, женщин, стариков и детей скорее вызывало иногда отвращение, нежели желание стать врачом.

Неудивительно, что все-таки она предпочитала посещать больше лекции с показом пациентов из клиник, чем практические занятия, когда нужно было самой ставить диагноз.

– Знаешь, что мучает меня больше всего? – спрашивала с нотками недовольства и каприза Нина Анну. – То, что для нас главное мероприятие дня – это сбор анализов!

– Тебе не стоит жаловаться так часто, – замечала Анна, быстро передвигаясь между длинными рядами коек с тяжелыми больными, которые порой были настолько слабыми, что едва шевелили руками, чтобы перевернуться на бок. – Пожелай нам обоим удачи. Ты способна вести себя прилично в общественных местах и тебе не следует оставаться постоянно в четырех стенах нашей комнаты. Под моим наблюдением ты можешь стать хорошей медсестрой и научиться выполнять любые манипуляции.

– Под твоим строгим присмотром мы можем ходить в театр, в баню, навещать друзей и родственников, – смеялась Нина, чтобы найти более близкий контакт с ней. – Такое проведение свободного времени наиболее продуктивно для меня и моих сокурсниц.

Когда мама Нины была рядом, ее присутствие, казалось, лишнее, но когда она уходила, так недоставало человеческого тепла и взгляда ее серьезных глаз. Многие солдаты в госпитале до войны заглядывались на нее. Кто-то из родственников солдат иногда дарил цветы, масло, консервы, фрукты, печенье или пряники, чай, конфеты, мед или даже шоколад, когда забирал после выписки из больницы.

Однажды кто-то подарил бутылку шампанского, которое она отнесла на свадьбу Иры. Нина немного успокоилась и снова уснула. Вечером пришла Катя.

– Кажется, не видела тебя целую вечность. Это ты принесла мне письмо? Искренне рада. Довоенные воспоминания – это как будто проигрываешь пластинку со старой записью, – лицо у Мельченко порозовело, и она стала похожа на звезду Голливуда Сару Бернар в период ее расцвета. – Спасибо!

– Да. Как себя чувствуешь?

– Замечательно. Не хочешь прогуляться. Погода, кажется, хорошая. Вечер теплый. Надоело лежать и смотреть в потолок с трещинами.

– С удовольствием. Очень устала за сегодняшний день, но пройти не откажусь. День выписки. Хотела предложить пойти на прогулку.

Нина быстро собралась и девушки вышли на улицу.

– Добрый вечер, тетя Тося, мы проверим территорию.

Они миновали пост, где сидела сторожиха в холщовом халате и вязала носки для фронта. Спицы скользили у нее в руках.

Женщина внимательно посмотрела на девушек, прекратила вязать, а потом снова продолжила.

– У главного дел по горло. Видишь, его окно светится, – Серебренникова показала на светящееся окно с желтыми занавесками на втором этаже, где работал главврач. В это время он обычно писал истории болезни, делал выписки в свой журнал об умерших и калеках.

– Катя, надо заполнить все направления на выписку следующей партии выздоравливающих солдат. Их истории у меня в тумбочке. Зайдем после прогулки и продолжим писать. Осталось штук двенадцать. Остальные я заполнила, когда болела.

Дул ветер и идти было трудно. Деревья качались. Они напоминали тени древних богов, сражающихся на шпагах или бой греческих героев Ахилла и Аякса. Их сражение имело призрачное очертание. Видения проносились со стремительной быстротой, уплывали и таяли в тучах и потрескиваниях сучьев высоких деревьев.

Ударил сильный гром, и санинструктора поспешили назад.

– Скоро будет буря, – заметила Нина с чувством, изображая интонацию Холодова. – На месте главного любой человек так же переживал за судьбы солдат. Очень обаятельный человек.

– Ты права. Нам нужен именно такой руководитель! Нина, ты знаешь, давай проситься в одну часть. Вдвоем не так страшно будет бить врага.

– Думала об этом. Конечно, было бы не плохо сохранить дружбу и после войны, когда будем строить мирную жизнь. Изредка можно было бы встречаться.

Санинструктора шли, придирчиво разглядывая каждую мелочь. Медсестры сутились на веранде, где тоже находились койки и лавки с выздоравливающими красноармейцами. Повара готовили разносолы на утро. Они не могли ударить лицом в грязь. Рацион соответствовал диете военного времени. Иногда в щи добавляли лекарства или зелень, что придавало приятный аромат и вкус пище. Светильники во дворе тускло освещали тропинки, посыпанные песком и гравием.

– Скоро праздник ноября. До войны мы все праздники отмечали с группой, ходили на демонстрацию, потом в парк, пили лимонад, ели бисквиты. Весело было... – с вздохом произнесла Нина во время прогулки. – Знаешь, что, Катя, как ты смотришь на то, чтобы отметить Октябрьскую годовщину?

– Отлично. Уверена, что ты говоришь всерьез, – искренне засмеялась Катя, готовая расцеловать Нину. – Да. Надо помочь медсестрам и фельдшерам готовить больных для отправки в тыл.

– Пойдем в корпус. Хорошо придумано с праздником, но как осуществить? Какие продукты ты предлагаешь в меню? – сокрушенно спросила она, изображая гурмана или специалиста-ресторатора. – Согласна на любые изыски.

– Жареных устриц, гигантских черепах, улиток, мидии, лебедей фаршированных перепелиными яйцами, финики со шпинатом, грибное рагу, телятину... – Катя продолжала перечислять, но Нина задумалась и уже не слушала ее. Она думала о своих поклонниках в институте, которые вздыхали на лекциях и слали в стихах признания в вечной любви и дружбе. – Это шутка. Надеюсь поужинать в столовой по нашему рациону.

– Вечером, когда все уснут, посидим, поговорим. Пригласим Холодова, чтобы было не скучно. Что-то из провианта поставим на стол. Накроем скатерть. Ну, что добро? – Нина на минуту замолчала, размышляя, и тут же продолжила, – если война, то и праздник не отмечать?

– Отметим, не беспокойся. Идем работать для победы.

Катя остановилась посередине дороги и принялась с пафосом декламировать начало первой части поэмы Пушкина «Медный всадник»:

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постели беспокойной.

Почему-то именно сейчас река, на берегу которой стояли девушки, напоминала Нине Неву. Именно такой она представляла Неву – бурлящую, беспокойную. Она никогда не была в Ленинграде, поэтому ей вспомнились эти гениальные строки.

Возвращались девушки в госпиталь молча. Каждая думала о своем будущем. Нина представляла завтрашний день: обход, перевязки, выписку выздоравливающих, отправку писем с известием о смерти. Война есть война. Надо привыкать жить по-новому.

Ноябрьский праздник

Праздник седьмого ноября. В госпитале царило оживление. Настроение у всех приподнятое. Вместе Нина и Катя как обычно делали обход палат в восемь часов.

Появилось много пустых коек. Ждали прибытия еще одного вагона с пограничной территории. До вечера «когда все уснут» время тянулось очень медленно.

Холодов заставил весь медперсонал готовить госпиталь к прибытию пополнения.

Они мыли полы, окна, передвигали кровати, меняли белье, убирали территорию.

Работы хватило всем. Холодов, как опытный руководитель, подсказывал и помогал сотрудникам.

Он собрал всех, поздравил с праздником Октября, пожелал всем здоровья и скорейшей победы. Когда стали расходиться, Нина несмело подошла к Холодову.

– Товарищ капитан, приглашаю вас в гости, сегодня вечером – праздничный ужин, – у Нины заблестели глаза.

– Так точно. Спасибо за приглашение, я им воспользуюсь.

– Будет Катя, послушаешь, как она поет, – продолжила она.

Холодов сухо поблагодарил Нину и ушел. Нина проводила его взглядом.

Главврачу было около шестидесяти двух лет. Он был широкоплечий, ходил быстро, размахивая руками. Внешне очень нравился всем женщинам госпиталя: широкий лоб, скуластое лицо, серые проникновенные глаза, длинный чуть с горбинкой нос, узкие губы и твердый, резко очерченный подбородок. Говорил Холодов всегда спокойно и ясно. К приходу гостей Нина подготовилась: порезала тоненькими кусочками сало, привезенное еще из дома, открыла консервы. Катя принесла картофель и хлеб, а Холодов двести граммов спирта, выписанного аптекой и немного яблок. Спирт разбавили водой и разлили по полстакана в металлические кружки.

Нине показалось, что она стала настоящим бойцом и сможет не только лечить и делать операции на фронте в условиях военного времени, но и драться с врагом.

– Товарищ капитан, – начала Нина, осмелев, – когда будете отправлять на фронт, разрешите нам с Катей вместе поехать, – в который раз интересовалась она.

– Учту вашу просьбу, – главврач хитро улыбнулся. – Сейчас знаю, что у вас уже есть направление, но когда будет точно известно чуть-чуть позднее, если, конечно, Катя не возражает? – Холодов внимательно посмотрел на нее.

– Так точно, товарищ капитан, не возражаю, – у Кати от выпитого вина появился румянец, она выглядело удивительно женственно.

– За победу! – они выпили и стали закусывать. – Бороться за победу надо не только силой и количеством, но и умением и мастерством, – слова Холодова проникали в душу. – Санчасть всегда рядом с передовой, кому труднее всего.

Нина прекрасно понимала, что так скоро война не кончится, очень много людей погибло, и отвечать за это придется. Они спели несколько старинных русских песен. Праздник прошел, и опять наступили будни полные волнений и переживаний, борьбы за жизнь человека.

Осень подходила к концу. Наступали холода. По утрам было видно, как от реки поднимался голубой пар. Второй состав приехал неделю назад. Трудности возникали из-за слабой технической оснащенности госпиталя. Холодов мечтал о новейшей клинике с современным оборудованием.

– Где вы, скорее, бегом! – постоянно был слышен его голос.

Нине казалось, что она навсегда застряла в госпитале и никогда не попадет на фронт, но однажды Холодов снова пригласил Нину к себе в кабинет.

Когда она зашла, капитан встал.

– Вот что, Нина, наверно, после нового года вы поедете в Санотдел армии, где вам скажут, куда вас направят дальше. Мне хотелось, чтобы вы за время, имеющееся в вашем распоряжении, научились самостоятельно оперировать. Помните о нашем разговоре? – Нина внимательно слушала, не перебивая. – Надо применять анестезию, это вы знаете из курса обучения, но у нас нет достаточно эфира, поэтому можете давать пациентам двойную порцию спирта. – Пирогов был первым, кто применил эфир, но раньше уже применяли какие-то сильно действующие анестезирующие препараты.

– Так точно, – Нина волновалась, она часто дежурила в хирургическом отделении по ночам. – Готова к любой сложной операции.

– Назначаю оперировать сегодня. Сам буду ассистировать. Все ясно или есть вопросы? – Холодов закончил свою мысль и внимательно посмотрел на молодого специалиста.

– Так точно. Можно идти?

– Идите, подготовьтесь, – главврач снова сел за стол и стал писать, а Нина отдала честь и строевым шагом вышла из кабинета, полная тревоги и необъяснимой радостной надежды.

– Катя, сегодня буду оперировать, – успела сказать Нина подруге.

– Обязательно буду присутствовать.

После длительной операции Нина и Катя вернулась к себе в комнату, включили свет, налили чаю и выпили по стакану крепкого чайного напитка. Закусывали сухарями. Усталость как рукой сняло. Катя приняла душ в ванной комнате.

Нина сидела, ждала ее и думала о своих приобретенных навыках и умениях хирурга.

«Кто будет учить меня на фронте делать более сложные операции или переливать кровь, или проводить другие мероприятия, или заботиться о больных», – наивно рассуждала она, надеясь научиться стать отличным врачом анестезиологом.

«Две обязанности вряд ли смогу выполнить, но если Катя будет мне ассистировать постоянно, тогда вернусь домой с таким богатым опытом, что напишу диссертацию», – ее желание изучить общую хирургию и терапию расходились в разные стороны. С одной стороны стать терапевтом, а с другой заняться хирургией. Эти две диаметрально противоположные специальности раскрывали суть медицинской профессии. Какая разница кем стать, лишь бы не сидеть на месте и не плакать постоянно о потерянном времени или о тяжелых последствиях своих встреч, которые ей приносили столько радости и счастья, так же как и Кате. У нее такое счастливое лицо, когда она видит Холодова и этого больного Таланова.

На другой день Холодов поблагодарил Нину за успешно проведенную операцию по резекции желудка. Нагноения отсутствовали, больной пришел в сознание и начал разговаривать. Настроение у Нины улучшилось.

3. Отъезд в часть

*Из всех прожитых лет самыми важными
кажутся последующие годы, но нет
ничего важнее того, что мы живем.*

Автор

Поезд

Зимой 1942—1943 годов двести восемьдесят третья стрелковая дивизия вела тяжелые кровопролитные бои на берегу рек Ока, Зуша и Неручь. Эта операция имела своей целью сковать противника в полосе Брянского фронта и допустить в наименьших количествах переброски его сил на другие направления движения.

Наступление войск третьей армии осуществлялось силами двух-трех стрелковых дивизий пехоты на различных участках в полосе более восьмидесяти километров по линии фронта. Менялся состав дивизий, привлекаемых к прорыву вражеской обороны, но стрелковая была непременной участницей всех операций.

Нина Мельченко и Катя Серебренникова должны были отбыть по месту назначения в понедельник. За три дня надо было собраться.

– Нина и Катя, зайдите на склад и получите полушубки, – пригласила их завхоз утром при перевязке выздоравливающих солдат.

– Суровая зимняя стужа не страшна, – обрадовано воскликнула Катя, рассматривая и примеряя теплый полушубок, когда вещи были получены.

– Так точно, просто как в печке, – ликовала Нина от радости.

Девушки думали только о победе над фашистским зверем, и продолжали трудиться. Нина после первой самостоятельной операции провела еще шесть и теперь могла оперировать в любых условиях. Холодов был доволен, она была ему хорошей помощницей. В день отбытия все вещи были собраны в чемоданчик, а паек из тушенки, пачки табака и буханки хлеба был получен.

– Счастливо оставаться! – Нина и Катя распрощались с сотрудниками в семь часов утра и в полушубках вышли из госпиталя, погрузились на машину, чтобы их довезли до станции, а оттуда отбыли по месту назначения.

– Из-за сильных снежных заносов и холодов расписание изменилось, – проводница в форменной шинели, рассматривала документы. – Поезд шел без расписания, стоянки сокращены.

По обе стороны полотна железнодорожной станции простирались занесенные снегом поля. Кое-где виднелся лес.

Девушки погрузились в общий плацкартный вагон, где на каждой нижней полке сидело по три-четыре человека. Кто-то стоял в проходе, опершись о поручни. На верхних полках тоже сидели, согнувшись, солдаты. Девушкам тут же уступили место внизу.

– Девчата, располагайтесь, будьте как дома, – шутили добровольцы.

Катя тут же сидя уснула под мерное покачивание вагона и постукивание вагонных колес, Нине тоже хотелось спать. Последние дни в госпитале они жили мыслью о предстоящей переброске войск, слышали о победе под Москвой, о битве под Сталинградом.

Стало вечереть. Сильный северный ветер сгреб тучи в одну сплошную массу и угрожал снегопадом. Скоро снег посыпался крупными хлопьями, никто не знал, когда он кончится; пассажиры приуныли, так как снегопад и пурга задержали движение еще на час или два. В вагоне военнослужащие, медперсонал, дорожные рабочие и продавцы хлеба, водки и сала. Почти все

они ехали в свою часть. Наконец, и Нина задремала, а когда проснулась, то по ландшафту, открывающемуся из окна, поняла, что началось полесье. «Значит, скоро мы прибудем к месту назначения. Хорошо бы дивизия была близко от населенного пункта, а не в голой степи, легче привыкнуть к полевой жизни». Неожиданно поезд остановился. Все переполошились.

– Спокойно, всем на пол, возможна бомбардировка, – проводник постарался успокоить пассажиров, он знал причину остановки. – На крыльях фашистская свастика, так низко над землей они зависли.

Поезд ускорил скорость и шел, не останавливаясь. Все с верхних полок попадали на пол. Гул самолетов-истребителей заглушил голоса. Кто был на нижних полках, легли на пол в проходе, ждали бомбежки, что последовала через минуту. Снег поднялся стеной и закрыл вагон.

– Это просто маскарад, а не вражеские истребители. Понятно, почему мы остались живы, иначе от всего состава не осталось бы и следа, – Катя была так сильно напугана, что легла на пустое сиденье, прижалась ближе к Нине и неожиданно заплакала.

– Знаешь, Нин, боюсь. Вдруг самолеты вернутся и разбомбят поезд?

– Мы теперь ближе к линии фронта, поэтому надо быть готовыми к любым вражеским проявлениям, – глубокомысленно ответила Нина.

Она была очень бледная, но крепко держалась за сиденье.

– Нин, мне кажется, пробуду на фронте до конца войны. Меня никогда не убьют, – Катя еще теснее прижалась к подруге.

– Тебя заставляли воевать или нет? Ты будешь спасать жизнь людей. «Это наше первое боевое крещение. Страх присущ каждому человеку», – Нина задумалась. – Давай поедим, есть охота. Доставай, что у тебя есть.

Когда все опять вернулись на свои места, девушки разложили свои скромные пожитки на коленях, и с нескрываемым аппетитом принялись за еду. Ужинали после штормового налета противника. Чай раздавали и ставили на стол по заказу бесплатно. Кто-то стал пить из фляжек спирт. Нина вспомнила, как она ехала с братом на фронт. Девушки сидели в напряжении и с нетерпением ждали прибытия.

После остановки поезд медленно набирал скорость. В пути Нина выяснила, что в ее дивизию едет молодой капитан, возвращаясь после лечения в госпитале.

Они познакомились. Его фамилию Таланов они помнили по госпиталю. Владимир – очень красивый, отличный рассказчик и внимательный пациент.

Нина заинтересовалась рассказом героя наступательных боев.

– В боях за город Глухов, Сумской области, – Владимир приостановился и посмотрел на слушателей, – в сентябре сорок первого года в составе группы генерала Ермакова дивизия получила свое боевое крещение, скрестив оружие с передовыми частями второй танковой роты, командовал генерал Гудериан. Там дивизия нанесла свой первый и решающий удар по выдвинувшимся вражеским войскам под деревней Эсмань.

Нина записала эти даты к себе в тетрадь.

– В течение двенадцати дней, без противотанковых средств, дивизия в своей полосе сдерживала фашистов, рвавшихся на Севск, на северо-запад через Эсмань к Орлу и далее на Москву, в названной ими операции «Тайфун», на острие которой и оказалась тогда дивизия, – Таланов тактично посмотрел, как она записывала, и продолжил.

– Так точно. Выучим путь дивизии наизусть, – Катя повторяла за Талановым каждое слово. – Пиши, санинструктор Мельченко, ладно!

– Несмотря на огромные потери, противник вводил все новые силы и средства для того, чтобы прорвать оборону. На двенадцатые сутки с огромным и многократным превосходством в оружии и провианте враг сократил расстояние и вышел на путь отхода всей группы генерала Ермакова, – он прекратил повествование и встал, чтобы посмотреть в окно вагона.

Снег налип на стекла. Белая пелена застилала равнину и небольшие холмики. Деревья длинной белой полосой стояли вдоль пути.

– Товарищ капитан, будете чай, – Катя поднесла ему кружку.

Он взял слегка остывший чай, отхлебнул и присел на сиденье. Все солдаты, которые направлялись в ту же часть и другие, слушали с интересом.

– Что же было дальше? – спросила Катя.

– А дальше вот что, было: оказались в Инельских лесах, юго-западнее города Севска. Сентябрьской ночью весь личный состав дивизии изготовился для прорыва фашистского кольца окружения.

– Такие дела, братки! – кто-то громко воскликнул со второй полки. – Пиши, пропало фашисту.

– Мы так и сделали. Мощным и быстрым ударом в направлении Прилепы-Голопузовка, юго-западнее города Севска прорвали блокадное кольцо врага, – тон Таланова был серьезен.

– Разгромили при этом штаб десятой механизированной вражеской дивизии, – капитан заглянул в серьезные, серые глаза Кати.

– А мы слышали, что, кроме того, в Прилепах захватили двадцать автомашин с продовольствием, склад с боеприпасами и освободили из фашистского плена более трехсотшестидесяти бойцов и командиров других частей, плененных фашистами накануне, – парень со второй полки комментировал историческое повествование капитана.

Нину так увлек рассказ, что она села напротив Таланова и принялась записывать что-то себе в тетрадь, периодически с восхищением поглядывая на рассказчика.

– Понимаете, в результате прорыва вражеского кольца окружения, силами дивизии было выведено из окружения около двадцати пяти тысяч военнослужащих, более двух тысяч боевых подвод, около четырехсот автомашин со снарядами, продовольствием и обмундированием. Нин, что ты все пишешь и пишешь?

– Так точно, товарищ капитан. Пишу дневник. Привыкла в институте лекции писать, вот сейчас стараюсь отучиться, а не получается, – ответила Нина, любясь выведенным и строчками. – Все записи буду хранить до окончания войны, чтобы экзамен на прочность сдать и в военном билете, чтобы записали, – она наклюнявила химический карандаш и вывела все цифры в тетради.

Таковыми химическими карандашами пользовались работники госаппарата, когда заседали на пленумах. Холодов подарил ей его в знак уважения в последний день отъезда из госпиталя.

Они проработали вместе около полугода и договорились никогда не писать друг другу, чтобы не вспоминать, сколько слез и крови было пролито за это страшное время. Но карандаш Холодов приберег специально для Нины и сказал на прощанье: «Нина, спасибо за труд и заботу на таком ответственном участке тыла, как военный госпиталь. Вот тебе карандаш!»

Он крепко, по отцовски обнял санинструктора Мельченко и поцеловал прямо в губы, не стесняясь окружающих медсестер и фельдшеров, стоящих рядом.

Она положила подарок в карман и совершенно забыла, что теперь она тоже ответственный сотрудник. Она отвечает за всю страну. Тот поцелуй был настолько запоминающийся, что порой Нине становилось стыдно за себя. Конечно, она ничего не сказала об этом Серебренниковой.

Однако ее догадливость и сметливость придавали их совместному пребыванию в госпитале столько очарования и прелести.

Они иногда целыми ночами стояли у постелей солдат, переносили носилки, курили после тяжелой работы, а то и просто следили, как больные шли на поправку.

– Вот молодец! Надо, чтобы помнили, когда на фронт приедешь, первым делом научись бойцов из окопов вытаскивать. – Таланову понравилась ее принципиальность. –

Продолжай записывать. А ты Катя смотри и учись военно-стратегическому направлению в работе санинструктора. Поняла?

– Так точно, поняла, – Катя облокотилась на стол своими красивыми, полными, белыми руками. – Ты нам дальше расскажи, пожалуйста.

– Так вот. Все части дивизии вышли организованно и до октября прикрывали Курское направление на рубеже западнее и севернее Льгова.

– И что же в этот период? – услышали все голос со второй полки. – У меня там отец погиб. Вот еду за него нашу мать защищать.

Все посмотрели вверх на парня, которому по виду едва минуло семнадцать, а может быть и меньше, и сразу опустили головы.

– Мы прорвали окружение подразделения тринадцатой Армии в направлении деревни Марица-Льгов, – капитан терпеливо прояснял обстановку. – Первыми шли штрафники, вот они и стали жертвами прорыва, а потом подключилось ополчение и старшее поколение.

– Да, верно, вы прорвали, товарищ капитан, – парню хотелось рассказать о своем отце, и он едва сдерживался. – Мой батя тоже прорывал, сколько людей там погибло можно долго говорить, – парень, чтобы не упасть оперся о рядом сидящего солдата, замолчал, выдержал паузу и продолжил: – Мать, когда узнала из похоронки, то закричала как от боли. Соседям принесли известие, что их сын погиб под Сталинградом тоже смертью героя, так вот оно что. Тот в госпитале неделю пролежал, а потом в дороге домой умер. И я сразу в военкомат подался.

– Ты, что ли? – Таланов посмотрел в сторону солдата. – Молодцы, будете героями как ваши отцы, чтобы честно служить родине, а не разбоем заниматься или мародерством. Такие солдаты иногда встречались среди вражеских пленных. Хватали любые теплые вещи у населения. Недовольны лишь трусы и предатели.

– Нам срочно надо на фронт, на передовую, – наперебой говорили они.

– Вас вызовут, проситесь в дорожную милицию и, когда ссадят вас обоих на первой станции, будете драться и защищать нашу землю от врага, – Таланова заинтересовал их разговор. – Вы учились где-то, стрелять умеете?

– Это ты зря, товарищ капитан, конечно, мы учились в стрелковом училище четыре месяца и научились стрелять, и в атаку собираемся идти. А теперь тебя хотим послушать, говори, – ребята успокоились и еще раз случайно толкнули друг друга от рывка поезда, а потом наклонились и оперлись локтями на колени.

Вагон так трясло, что ноги солдат на второй полке мотались над головами, сидящих на первой. Никто из военнослужащих не обращал внимания на этот факт.

– В тот же день дивизия по приказу командующего Брянским фронтом снялась, совершив стопятидесятикилометровый марш бросок, – доложил капитан с чувством гордости за свой народ.

Таланову самому нравилась эта ситуация, и он смотрел на санчасть, как на своих сторонников.

– Мы шли по непролазной грязи.

– Товарищ капитан, этим ребятам лет по восемнадцать и надо им знать, что происходило в том направлении, – Нина видела, что эти на вид очень юные, не оперившиеся взрослые парни напоминали ей братьев. – Мы и штрафбат будем лечить и выхаживать, если надо!

– Так точно. Они меня понимали с первого слова, – Таланов согласился. – Самому приходилось делать им операции по удалению конечностей, после этого все были отправлены в тыл. Иногда успокаивал бойцов... Они понимали с полуслова такие смелые, решительные, сильные...

– Правильно, верно говорите, товарищ капитан, – изрекла Нина.

– Скоропалительные задачи оттягивались на время. Все операции продумывались на бумаге с карандашом в руке! – объявил Таланов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.